

П.З.Рябков

От Колымска до Якутска

(Путевые заметки)

Вступление

Отъезд — Пушное — Дорога и поварни — Гостеприимство якутов.

Когда после трёх слишком лет, проведённых в Средне-Колымске, я получил возможность выехать из него, то — хотя уже стояла осень с 20 и 25 градусами мороза, но снега ещё не было, а без него невозможно было ехать на нарте. Приходилось ехать верхом на лошадях, чего собственно я избегал; поэтому я решился ждать зимнего, снежного или, как здесь говорят, «нартяного» пути, т. е. самого лучшего способа передвижения по заполярным таёжным дорогам, никогда ещё не знавшим колёсных экипажей. Здесь все перемещения совершаются летом на лошадях в седле, зимою в нарте, запряжённой или лошадьми, или оленями, а ещё дальше к морю на собаках. Я испытал и летнюю езду верхом и зимнюю в нарте, но только не на собаках и нахожу, что из двух испытанных мною способов езды, самая скорая, а, следовательно, и менее утомительная, — это езда на оленях.

Всё время в ожидании снега, я посвятил на сборы в дорогу и на заготовление главным образом тёплой дорожной одежды, что стоило мне немалых хлопот и затрат. Хотя Колымск до сих ещё пор почему-то слышит царством пушного, но смею вас уверить, что это далеко не верно. Правда, пушнина есть, но немного и вся она идёт в руки купцов, их доверенных, а также попу, исправнику, писарю (суруксуту), но простому смертному пушнина достаётся с трудом. Часто вы услышите, как жалуется местный обыватель, что вот уже он несколько лет собирает норников¹, или песцов, или лисиц, чтобы сшить шубу и всё-таки ещё не набрал и половину меха. «За этими купцами, да начальством нам не угоняться, — жалуется обыватель. — Простых ушканов и тех с трудом находишь, а уж про мышь норки, да беличьих меха и говорить нечего, — добавляет он».

---

¹ Норник — молодой песец, только начинающий выходить из норы. — прим. OCR.

Соболь, когда-то привлекавший в этот край русских промышленников, имевший заманчивость золота, уже почти исчез, истреблён и если где ещё держится, то в очень незначительном количестве. Спросите купцов, много ли они теперь вывозят соболей, чёрно-бурых лисиц, бобров и вы услышите, что десятой доли нет против прежнего. Здесь произошло тоже, что и везде, где велось хищническое хозяйство, не знавшее ни меры, ни удержу. Истреблялись матки, детёныши, выжигались леса для сенокосов и лугов самым безобразнейшим образом, следствием чего также было истребление пушных зверей, переход их в другие места; употреблялись, да и теперь ещё употребляются ловушки, луки и прочие снаряды, которые также истребляют и главное — большей частью совершенно непроизводително массу зверья, непроизводително потому, что более половины пойманных песцов или лисиц здесь же в ловушках поедается хищными зверями. Жадность заставляет промышленника ставить столько ловушек, что он не успевает их своевременно осматривать. Лисиц он травит, разбрасывая яд и многие из них для него пропадают бесследно, так как умирают где-нибудь в недоступной тайге и проч.

Десятого октября у моей квартиры уже стояла крытая нарта и навьюченные лошади. Давно желанный снег покрывал белой пеленой широкую, давно застывшую Колыму, бескрышие дома, улицы и дворы наполовину снесённого и разрушенного весенней водой и льдом и без того небольшого и жалкого городка с не менее бедным его населением, ютившимся в уцелевших, сильно повреждённых домах. Низкое холодное солнце ярко освещало далеко не богатую красотами картину окрестностей и города. Кругом лес и лес, неприветливо темневший, да вдали к северо-востоку вырисовывалась невысокая цепь гор. Через час я уже сидел в нарте, запряжённой одной лошадью, и двигался по дороге к Верхоянску. Неуклюжий ямщик-якут, закутанный с головы до ног в оленьи меха, управлял этой лошадью, сидя верхом на ней. Едва ли вы, читатель, где-нибудь видели что-либо подобное. Лошадь осёдлана по всем правилам якутского берейторства; на ней восседает ваш возница. От седла по обе стороны лошади идут ремни, прикреплённые к передку нарты. Мало того, по бокам седла висит перемётная сума, а в тороках запасная одежда и обувь ямщика. Предоставляю знатокам судить насколько удобна и практична подобная упряжь и езда. Колымская нарта, приспособленная к здешним дорогам, настолько узка и мала, что

вмещает одного только человека и ямщику в ней нет места и поэтому ему приходится или громоздиться на саму лошадь, везущую эту нарту или же ехать на другой лошади и тащить за повод вашу. Но ямщик, хотя и прибегает к последнему средству, но всё-таки сядет на лошадь, а не в нарту, потому что здешние лошади не знают ни вожжей, ни оглобель и ими управляют из седла, в нарту же положат кладь. Тоже самое делается и с быком. Быка всегда одного, никогда пару, запрягают в ярмо, прикреплённое к оглоблям саней или нарты, в которые якут, нажав дров или сена, сам взбирается на него, берёт повод, продетый в ноздри животного и едет, понукая скотину пинками ног и дикими вскрикиваниями. Вы можете встретить быка в седле и с одним или двумя седоками на его спине. Якут очень изобретателен и ничего не будет удивительного, если в одно прекрасное время он и корову украсит седлом. При этом он, конечно, не будет входить в разбирательство, насколько такое украшение к ней пристало, ему до этого равно нет никакого дела и разумеется уж не он виновник появления на свет известного наречения о корове и седле.

После четырёх часов езды по дороге, идущей большей частью озёрами, из которых одно Налимское достигает восьми вёрст в ширину, мы добрались до первой поварни. Тёмная ночь не позволяла ехать дальше. Несмотря на то, что мы проехали только 30 вёрст, лошади были взмылены, так как в тех местах, где приходилось ехать не по озёрам, дорога была едва прикрыта снегом и вследствие этого кочковата, лошади шли с трудом, нарта прыгала, зацеплялась — летом здесь сплошные болота и озёра. В этой поварне приходилось заночевать. Но что такое поварня? Я думаю, что ни один культурный человек, путешествуя по Европе в самой роскошной гостинице не испытывает того блаженства, какое выпадает на долю путешественника здесь в поварне, где, однако, почти также холодно, как и на улице и дует во все щели. Но тут есть теплящийся камелёк. И тому рад путешественник. Эта первая поварня, в которой мне приходилось провести одну из множества ночей в пути, была ещё из лучших, и я в ней устроился довольно комфортабельно. На нарах постлал две оленьих шкуры, густая, толстая шерсть которых делала незаметными все неровности нар. При здешних путешествиях эти шкуры, или ещё лучше медвежины, а также одеяло из зайцев или песцовых хвостов ничем не заменимы: без них можно было бы пропасть; с ними же человек застрахован от холода. Но в поварне, когда все улягутся спать и

камельёк погаснет, одного одеяла уже мало и приходится натягивать на себя что-нибудь из одежды, а на ноги надевать тёплые чулки. Утром после чая, уже перед самым отъездом, когда всё уже улажено, выюки приготовлены, ещё раз закусываешь и как можно плотнее, так как предстоит несколько часов езды, а вы из опыта знаете, что пища служить хорошей грелкой не менее, чем даже одежда.

Октябрьское солнце ещё не показывалось из-за горизонта, как мы уже находились в дороге. Те же, что и вчера, пустынно-однообразные виды, те же болота, кочки которых высоко торчат из-под тонкого снега, с жёлтой травой, да местами покрытые мелким кустарником; лес оголённый чёрный или бурый, да озёра частые, через которые пролегает дорога, едва намеченная следом лошади, но ещё без вешек. На некоторых местах озёр, где ветер посдувал снег или где ещё он не примёрз ко льду, некованные лошади (их никогда здесь не подковывают) скользят и приходится объезжать стороной. Вообще в начале октября дорога редко бывает хороша.

Часа в три вечера мы уже сидели в юрте якута, перед весело пылавшим камельком. Перед нами на столе стояла деревянная тарелка, наполненная строганиной из мёрзлого озёрного жирного чира, соль, хаяк, а на камельке грелась в больших чайниках вода для чая. Строганина и молоко к чаю были поставлены гостеприимными хозяевами по заведённому у ямщиков обычаю. Я знал этот обычай и чем он обязывал и потому пригласил хозяев пить чай с хлебом. Казак мой тоже самое делал, нарезав миниатюрные кусочки хлеба по числу всех присутствовавших взрослых в юрте, в числе которых были наши ямщики, случайные гости, а также наш спутник, выборный якут, ехавший с нами по приказанию исправника, чтобы распорядиться постановкой вех по дороге, а равно приведением в порядок поварен и дороги. Когда был сварен чай, на столе появилась самая разнохарактерная коллекция чайных чашек и блюдцев: здесь были и деревянные китайские полированные чашки, и чашки из белой глины с самыми затейливыми узорами самых причудливых форм и рисунков, с отбитыми ушками или краями, или составленными чудным образом из кусков, скреплённых жестью и служивших вторую службу не менее добросовестно, чем и наши целые чаши, гордо красовавшиеся среди этого оригинального сброда. По окончании чаепития якуты, встав из-за стола, поочерёдно подходили ко мне и казаку, кланялись, жали руки, проговаривая своё обычное «пагибо», что

должно означать наше спасибо. Якут чрезвычайно вежлив и этикет между ними развит довольно сильно. Многие напоминают китайщину, но он вместе с тем далёк от унижения и держит себя довольно свободно с русским человеком, если видит в нём не начальника, но и с последним он будет держать себя с достоинством, без подобострастия, если видит, что этот начальник более или менее порядочный человек, не фардыбачит и не издевается над ним.

Чашки убраны, столъ вытерт, посуда из-под молока, отданная детям, не участвовавшим в компании взрослых, ими тщательно вылизана с помощью языка и пальцев, наш обед съеден, и мы опять в дороге: поварня, ночёвка в ней, встреча с почтой, идущей в Колымск — вот те впечатления, которые несколько разнообразят длинную дорогу.

I

Маловская станция и город Алазейск — Упадок скотоводства и падежи — Переселение якутов к северу — Наезд духовенства — Угощения и отдаривания.

Расстояние в 150 вёрст до первой Маловской станции мы проехали в трое суток. Сама эта станция, состоящая из одной большой якутской юрты, находится на берегу небольшой р. Алазеи, непосредственно впадающей в Ледовитый океан. Здесь при занятии колымского края русскими немного выше станции было русское поселение, носившее название города Алазейска, от которого, как мне передавали очевидцы, остались только развалины церкви и казацкой башни с караулкой. Там теперь живёт один только якут. Берег Алазеи, а также всё пространство, заключающееся между ней и Колымским хребтом к западу вплоть до тундры на севере сравнительно с другими местами округа очень густо заселено якутами. Это главный район их оседлости: здесь их, насчитывается более тысячи человек. Алазея и то пространство, о котором мы сейчас сказали, богато хорошими лугами, и рыбными озёрами, насчитывающимися целыми сотнями. Примерно лет 20-30 тому назад здесь процветало скотоводство, кормившее почти две трети всего населения округа. Алазейские якуты славились своим богатством и гостеприимством. Этот уголок был неисчерпаемым источником для торговцев и

разного другого люда, жившего на счёт ближнего. Но начиная с шестидесятых годов скотоводство, вследствие начавшихся падежей от чумы и сибирской язвы, начало быстро падать и это повело за собой обеднение якутов. Рассказывают, что хозяева, имевшие по 200-300 голов рогатого и конного скота, теперь живут бедняками, имея одну корову или одну лошадь, пробавляясь одной рыбой. Много хороших лугов заброшено, некоторые наслеги почти совершенно лишились скота и должны были обратиться исключительно к промыслу рыбы и пушного, что далеко не обеспечивает жителей: им частенько-таки приходится, особенно весной, недоедать.

Мне якуты жаловались, что и рыбы, особенно в Алазее, стало ловиться меньше; в озёрах она стала часто выдыхать и там, где кормилось несколько семей, теперь едва-едва существует одна семья.

Странно, что падежи скота не идут дальше Колымского хребта (между Алазеей и Индигиркой) в верхоянский округ, которому и служит границей этот хребет.

По западную сторону хребта, т. е. в Верхоянском уже округе, если верить рассказам, не знают чумы или сибирской язвы. Чем это объяснить? Между тем и другим округом есть только некоторая разница в содержании скота, но она на наш взгляд не так велика, чтобы служить причиной падежей. Я здесь замечу только, что кажется везде в якутской области рогатый скот всю зиму содержится в так называемых хотонах (коровниках), мало чем отличающихся по постройке от жилой юрты, но только без камелька. Во всех кажется округах, за исключением колымского, хотоны вместе под одною крышею с жилищем, разделённые между собой одной только перегородкой с плохо или вовсе не закрывающейся дверью. При таком устройстве хотон вентилируется одним и тем же камельком, который служит для отопления жилья. В колымском же округе хотоны устроены отдельно от жилых юрт и совершенно не отапливаются. При таком изолировании хотонов, конечно, жилище человека выигрывает, но выигрывает ли скот — это вопрос.

Верхоянские якуты частью под давлением администрации, частью по своей инициативе несколько уже раз жертвовали лошадей колымским якутам для развода. Верхоянские лошади, попав в колымский округ, рано или поздно также становились жертвой из года в год господствующей эпизоотии. Лошади никогда не держатся в хотонах, они

всегда стоят зиму и лето под открытым небом, а между тем и они дохнут от заразы.

Колымский, да и верхоянский округа никогда не имели ветеринарного врача. Во время сильных падежей, начинающихся всегда весной, когда скот, выпущенный из хотонов, вследствие дурного зимнего питания, едва двигает ногами, павших животных не успевают сжигать; трупы их, заражая воздух, лежат иногда всё лето, пока их не расхитят птицы, да волки, которые и сами скоро падают от заразного яда. Часто зараза переходит и на оленей и губит их целыми тысячами. Как у русских, так и у инородцев решительно нет никаких средств против этого бича: они совершенно беспомощны.

Когда начинается падёж, царствует какое-то уныние, налагающее на всё нерадостный отпечаток, доводящее людей до паники, до отчаяния. Вы часто услышите от жителей, что скотоводство стало невозможным, убыточным. Бывшие скотоводы бросают давно насиженные места и бегут к северу, к устьям рек, туда, где возможно ещё существовать рыбой и дичью. Некоторые якуты с потерей скота перебрались в тундру, завели стада оленей и ведут полукочевой-полуоседлый образ жизни, или занимаются исключительно рыболовством, держат ездовых собак, промысляют пушного зверя, песцов, лисиц, тарбаганов или добывают мамонтовую кость. Но несмотря на такое обеднение якутов, этот приалазейский уголок до сих пор служит главным образом источником поборов и экспидитации¹. Ежегодно, с наступлением зимнего пути наезжает сюда из Средне-Колымска священник с дьячком для совершения крещения родившихся за год, отпевании покойников, давно уже покоящихся в земле, а также для венчаний и прочих обрядов православной церкви. Хотя священник и весь причт здесь состоят на довольно приличном жалованьи, да ещё получают ругу, собираемую с инородцев и что их обязывает все названные требы совершать безвозмездно, но это, конечно, не выполняется. Поп, являясь в среду инородцев, действует как ему заблагорассудится, стараясь извлечь из своего объезда как можно больше: он ничего не делает даром. Нередко батюшка возит с собою водку для угощений, конечно. Но так как по заведённому обычаю угощение должно щедро оплачиваться подарками, то угощающий всегда в громадном барыше.

---

¹ Здесь, вероятно, калька с английского слова *expedition*, означающее в данном случае усиление эксплуатации. – прим. OCR.

Кроме наездов духовенства, сюда также стремится разный другой люд с водкой и без водки, как для взимания долгов, так и с торговыми целями. Якуты, да вообще и все инородцы вечно находятся в долгах, в кабальных отношениях. Больше всего должны во время взноса пода-тей, ясака, во время наезда купцов, у которых чаще всего забирают в кредит по весьма высоким ценам. Расплачиваются редко деньгами, чаще натурой: сеном, мамонтовой костью, мясом, а главное пушным или отдачей своих лошадей под своз купеческой клади, что даёт торгующим громадные проценты: рубль на рубль и больше.

II

Выносливость якутов и их поверье — Жених — Андылах страна озёр и болот — Перекочевыванье якутов — Ураса — Шаман, двухголовая птица и кайла — Пропавший топор и волк — Обряд погребения христианина чукчи — Чукча и «русский Бог».

Когда я проснулся, в юрте было полутемно, утро ещё только начиналось, но хозяева уже поднимались со своих нар, напяливали грязные рубашки, разминали свои меховые чулки и сары, подходили к только что затопленному камельку и грели свои обнажённые спины и брюха. Хозяйка ставила чайники. Несмотря на то, что в камельке ярко пылал огонь, в юрте было очень холодно. Широкая труба, незакрытая на пол, вытянула всё тепло и в юрте было также холодно, как и в поварне. Ехавший с нами из Колымска «выборный» якут продрог и порицал поэтому здешний обычай не закрывать трубы. У нас (он жил у самой тундры), говорил он, трубы закрывают. И действительно, во всю дорогу до самого Якутска труб нигде не закрывают, так как у якутов это считается почему-то грехом. По иным объяснениям не делают этого потому, что боятся угару, хотя, как мы видели, в иных местах трубы закрывают. В тех случаях, когда хотоны и жильё вместе (всегда сырые), с закрытой трубой пришлось бы задохнуться от вони и испарений от навоза и скота. Якут, впрочем, так приспособился и приладился к резким переменам температуры своего жилья, что редко страдает от этого. Сплошь и рядом он сейчас же после чая, весь вспотевший, выскакивает в одной рубахе из жарко натопленной юрты на сорокаградусный мороз и — ни-

чего... Дети его также чуть не нагишом выбегают на двор. Мне это напоминало цыган, стоически выносящих и палящий жар, и сибирские морозы. По выезде со станции, на одном ночлеге пришлось нам встретиться с интересным субъектом, о котором я хочу сказать несколько слов. Это был молодой ещё якут, ехавший от своей невесты, которая оставалась у своих родителей. Он не имел права взять её с собой, хотя прошло около года, как он с нею был перевенчан. Возьмёт он её тогда, когда выплатит калым и устроит «свадьбу» (праздник, пир), — калым назначен был в 30 голов рогатого и конского скота и деньгами 300 р. Калым этот он платит по частям, несмотря на зажиточность своего отца. Свадьбу также должен сыграть жених на свой счёт, для чего должен доставить потребное количество конского и коровьего мяса, масла и проч. Жених этот говорить по-русски, так как прожил несколько лет в городе и был даже в школе. Он видимо гордился своим богатством, — старается показать себя, позирует, чтоб дать заметить свой щегольской наряд, кист, шапку; он курит папиросы, третирует якутов бедняков, смотрит на них с высоты своего величия. Чем я больше в него всматривался, тем он казался мне противнее. Производил ли он такое впечатление на окружающих его якутов, я не знаю, но думаю, что они ему завидовали и вместе с тем относились как бы иронически, — последнее особенно было заметно, когда герой наш выходил из юрты, при нём же никто не позволял себе показать вида, что он смешон в их глазах. Я пробовал с ним заговаривать о верованиях и обычаях якутов, но он всегда старался дать понять, что он выше всей этой чертовщины и не верит тому, что играет такую роль в жизни его собратьев, но я был убеждён, что и он, так старательно выгораживавший себя, был не менее их невежествен и дик и — несомненно — более их испорчен.

Подъезжая к станции Берестяхской на Андылахе (300 вёрст от Средне-Колымска), дорога становилась всё хуже и хуже. В нарте стало невозможно сидеть: её бросало из стороны в сторону, дёргало, опрокидывало и я принуждён был некоторое время идти пешком по высоким кочкам, достигавшим полуаршина вышины; а когда утомился идти, сел на лошадь ямщика и кое-как добрался до станции. Летом в этих местах болота (бадраны) достигают глубины по брюхо лошади и проезд через них возможен только верхом. Масса озёр, перемежающихся перелесками и болотами, тянется на громадное пространство. Это самые обильные места для сенокосов и рыбной ловли. Вот почему в этих местах

вправо от дороги и ютятся главным образом якуты. Само место, называемое Андылах, есть ничто иное как группа озёр и сенокосов вокруг них, носящих название полей. Места эти в летнее время не лишены прелести. По берегам озёр разбросано в расстоянии одной до трёх и более вёрст несколько юрт (7) или хуторов, в которых живут несколько якутских семей, состоящих между собой в близком кровном родстве и носящих одну фамилию Слепцовых. Между ними некоторые считаются очень зажиточными хозяевами. Всё богатство здешних якутов заключается главным образом в скоте. Некоторые из них держат также ездовых оленей, собак и много лошадей, с которыми подряжаются к купцам для транспортирования кладей; косят сено для тех же купцов, ловят рыбу и промысляют пушного зверя. Такого рода занятия обуславливают собой и образ их жизни. С весны, как только начинает таять снег, а иногда и раньше, они покидают свои зимние жилища и переходят в летние, которые часто находятся тут же под боком, но тем не менее якут непременно кочует и поэтому у каждого из них, как бы он не был беден, есть две юрты: одна зимняя, другая летняя. За неделю до моего приезда на Андылах, содержатель станции, один из братьев Слепцовых, перекочевал в зимнюю юрту, отстоящую от летника шагов на 40-50. Летники строятся преимущественно на местах богатых подножным кормом, — на время сенокосов нередко также перекочёвывают, здесь также имеется или юрта, или ураса, нечто вроде конусообразного шалаша из жердей, крытых берёзовой корой с отверстием вверху для дыма и дверью сбоку. Такое жилище плохо защищает от холода, ветра и дождя. Внутренность урасы также неприглядна, как и её внешность: здесь нет никакой мебели, спят на земляном полу, устланном хвоей и покрытым оленьими шкурами; огонь раскладывают посреди чума, предоставляя дыму выходить в верхнее отверстие или в дверь, смотря по тому, как угодно будет ветру направить его. Если дым ест глаза и лезет в горло, то это для якута дело привычное. Правда, он часто страдает глазами, но опять-таки это неважно: мало ли он чем страдает, — если на всё обращать внимание, так и жить нельзя, заметит он вам.

На станции мы застали жену почтосодержателя, он же сам находился где-то в отсутствии. Хозяйка оказалась самой любезной и милой старушкой. Мой товарищ, с которым я здесь встретился, и который хорошо знал её, давал о ней самые лестные отзывы и приводил массу фактов,

говоривших за её ум и доброту, таков был и её муж. Мой товарищ прожил в этой семье несколько месяцев и за всё это время он видел чрезвычайную внимательность и участие к своей судьбе, сюда его забросившей, но главное в участии этом не было видно корыстных целей, неискренности, всё делалось от души, что редко встречается между якутами. Так как здесь мне пришлось просидеть более суток в ожидании оленей, то я воспользовался этим временем, чтобы поговорить с товарищем. Несмотря на свою относительную, конечно, интеллигентность наших временных хозяев, они также не чужды были разным предрассудкам, общим для всех инородцев и частью русских. Здесь до самого последнего времени проживал шаман (ойюн), к которому частенько-таки якуты прибегают, во всяком случае чаще, чем к представителю той религии, которую якуты официально исповедуют. К шаману и прибегают не только как к представителю или посреднику между людьми и разными злыми и добрыми духами, которыми богатая фантазия инородца населила каждый уголок тайги, поля, каждое озеро, речку, болото и горные хребты, но ещё и как к знахарю, ведуну, отгадчику, врачу и проч. Если до сих пор вместе уживаются христианство и шаманизм, то в этом для хорошо знающих край и народ нет ничего удивительного. Инородец вполне беспомощен во всём, что касается его духовного и нравственного мира. Его мировоззрение ещё настолько низко и стоит ещё на той степени своего развития, которое целиком можно приурочить к фетишизму. Цивилизация, культура, которую внесли к нему русские, так мало его коснулась своими хорошими сторонами, что о них меньше всего приходится говорить. Русские сами, приходя в столкновение с инородцами, сплошь и рядом опускаются до их уровня, вместо того, чтобы вести к обратному. Мы здесь не приводим фактов, подтверждающих это, потому что делаем это в другом месте.

Если у якута случается в жизни что-нибудь из ряда вон выходящее, необъяснимое, то он обращается к шаману, к его способности ведаться с нечистым, с которым, собственно, чаще всего и приходится иметь дело людям. Якут очень хорошо знает, как бы в этом его не разуверяли, что он сам или его скотина болеет потому, что в них вселился абагы (чёрт, нечистый), которого нужно или выгнать из себя, или из болящего члена его тела, или умиловить чем-либо, а кто это сможет сделать, как не шаман? Шаман же может указать и путь к разысканию пропавшей вещи. Если в последнем случае шаман проделывает некоторые манипуляции,

сильно напоминающие сумасшедшего, если он из дерева делает волка, которого посылает на розыски пропавшей вещи, то всё это в порядке вещей, и так нужно, и никакая критика и скептицизм со стороны якута не уместны, да и греховны, потому уже одному, что они поведут только к неуспеху и тогда шаман не виноват, конечно, если волк не открыл пропавшей вещи. Случается так, что прибегающие к помощи шамана никак не дают себя заподозрить в неверии и нет места приписывать этому неудачу шамана; но и в этом случае находчивый ойюн выдумает сам что-нибудь такое, что убедит простодушных якутов. Так в описываемой семье недавно пропал топор; пригласили шамана; муж сей с подобающе торжественностью вырезал с помощью ножа небольшую фигурку, долженствовавшую изобразить волка, что с некоторою долею воображения прекрасно сошло за такового. Ему предназначалась роль отыскать пропавший топор. Как это делалось, — я не знаю, но в результате оказалось, что топора не нашли, да и волк куда-то исчез. Пропажу волка шаман объяснил тем, что, ища топор, волк случайно увидел оленей и по своей жадности погнался за ними, совершенно забыв возложенную на него миссию. Топор так и пропал, но волк нашёлся, и нашёл его мой знакомый где-то в очень укромном уголке, принёс его в юрту и спрятал среди своих вещей. Когда я приехал, он хотел мне его показать, но волк вторично исчез и все наши поиски не привели ни к чему. Вторичное исчезновение уж не знаю что завидевшего волка знакомый мой объясняет тем, что кто-нибудь из домашних нашёл его и выбросил на двор или сжёг, потому что держать подобные вещи в юрте, где есть русские боги, которые могут рассердиться и наказать, ни в каком случае нельзя, грех. Пропажей волка я был огорчён и чтоб утешить меня, знакомый мой пригласил меня в лес, находившийся тут же около жилья, подвёл меня к одному кусту, откуда и вытащил какую-то двухголовую птицу, грубо сделанную из полугнилого дерева с подобием ног из лучинок и крыльев из тонких пластинок коры. На одном с нею шнурке из белого волоса находился ещё другой предмет, сделанный также из дерева и сильно походивший на кайлу, — род кирки, употребляемой при копании мёрзлой земли. Если фантастическая птица, напоминавшая своим туловищем утку, а долженствовавшая изобразить орла или какую-то допотопную птицу, была неудачна, то модель кайлы вполне воспроизводила свой оригинал. Товарищ тщательно завернул всё это в газетную бумагу, сунул под полы полушубка и под покровом наступившей ночи пробрался

в юрту в свой угол, где и спрятал свою ношу, стараясь как можно менее возбудить подозрение в окружавших нас. Если б домохозяева увидели нашу проделку, они чрезвычайно были бы огорчены и потребовали бы принесённое немедленно выбросить. Улучив удобную минуту, я сунул орла и кайлу в свой дорожный ящик. Во всю дорогу до самого Верхоянска не вынимал названных предметов, боясь доставить неприятность якутам. Все они верят, что в этих предметах, сделанных рукою ойюна и употреблявшихся при его гаданиях и лечении болезней, непременно сидит нечистый дух, могущий перейти или на людей, или на скот и причинить немалое зло. Я здесь не стану входить в объяснение — при каких именно случаях употребляются эти предметы, скажу только, что птицу подвешивают обыкновенно в амбаре на три дня, а потом относят в тайгу или сжигают, — что делают с кайлою, я ничего не мог узнать. Тот шаман, который мог бы всё это объяснить, за старостью бросил шаманить и куда-то ушёл. Может быть в другом месте наших заметок мы ещё коснёмся этого предмета.

Если всё вышесказанное замечается среди якутов, а также среди тунгусов и ламутов, которым христианство сравнительно давно уже проповедуется, то нечего говорить о чукчах. Несмотря на то, что среди последних живут постоянные миссионеры, что-то не замечается, чтоб учение Христа прививалось к ним. Деятельность Чукоткой миссии в здешнем крае известна всего более своей анекдотической стороной. Оленный чукча до сих пор остаётся, — я уже не говорю о носовых чукчах, которых совершенно не коснулось христианство, — тем же, чем он был задолго до своего знакомства с русскими. Я хочу рассказать здесь два случая, характеризующих чукчу-христианина.

Ежегодно зимой оленные чукчи, кочующие со своими стадами в Колымском округе, пригоняют в Средне-Колымск оленей для продажи жителям. В 1881 г. один из таких чукчей, уже старик, давно принявший православие, захворал и умер недалеко от города. Хоронили его по христианским обрядам. Вырыли могилу, заказали гроб; поп, по заведённому обычаю, отслужил над землёй, взятой из могилы, панихиду и проч. Это всё делалось на стороне, а на месте похорон следующее. У могилы, возле одной из палаток на турке (род саней) лежал покойник-чукча замороженный и одетый в американское пальто и чукотские бутки. Когда был привезён из города гроб, положили в него покойника, дали ему

в одну руку мозговую кость от ноги оленя, а в другую всунули нож, положили также три оленьих языка и тогда только закрыли крышку гроба, который после того опять был поставлен на турку. В турке этой было запряжено три оленя, на которых покойник ездил; они в последний раз повезли своего хозяина к невядалеке находящемуся озеру, потом опять привезли к могиле. Здесь один из чукчей, сопровождавший похоронный поезд, заколол пальмой с короткой рукояткой всех трёх оленей, запряжённых в похоронную турку и кровью их вымазал гроб, на который потом другой чукча сел, взял вожжи и начал погонять мёртвых оленей, проделывая все манипуляции и выкрикивания, обыкновенно употребляющиеся при езде, как бы показывая этим, что покойник куда-то едет. После этого гроб был опущен в могилу, покрыть досками, сверху которых были положены все вещи, употреблённые покойником: пальма (род копья-ножа), лук и ещё какие-то предметы в мешке, которых очевидцу не удалось разглядеть. Всё это потом было завалено землёй. По бокам могилы и в головах положили рога с убитых оленей, снятые вместе с лобною костью. Из трёх убитых оленей два были розданы копавшим могилу, а третий был очищен от мяса, а кости были положены на могилу. Весь процесс похорон от начала до конца сопровождался какими-то причитаниями окружающих чукчей. Причитаний этих рассказчик, по незнанию языка, не понял, конечно. Для поминок, кроме трёх прежде убитых оленей, был заколот ещё один самый жирный во всём стаде, сварен и съеден всеми бывшими на похоронах, как чукчами, так и русскими. Священник, заочно хоронивший чукчу, получил за труды нескольких оленей. Сын покойника над могилой отца поставил крест, повесил на него медный чайник покойника, и тем завершилась вся церемония похорон. После отъезда чукчей этот чайник вместе с костями и остатками мяса, находившимися на могиле, были взяты одним из поселенцев и унесены в город. Раньше, когда ещё труп чукчи лежал в палатке, на его брюхо клали обеденную доску и на ней ели мясо, пили чай, засаленные руки и губы вытирали полами одежды покойника. Спали также в этой палатке, причём головы, отуманенные спиртом, клали на труп и так засыпали.

Это обряд почти целиком ещё языческий и тот в рассказанном здесь виде редко практикуется. Большинство крещёных чукчей ещё и до сих пор хоронят своих покойников, бросая их в тундре или сжигая, где есть

лес. Среди же носовых чукчей, если верить рассказам колымчан, существует обычай закалывать старых и безнадежно больных и большей частью — по желанию последних, считающих такую смерть почётной.

Вот другой случай, характеризующий чукчу-христианина. У одного крещёного чукчи, рассказывал мне казак, проживший одно лето в тундре среди чукчей, начали сильно падать олени. У других же, некрещёных, олени целы и здоровы. Чукча сначала молился русскому Богу, образ которого у него имелся в палатке (Богом чукча называет образ, подаренный ему миссионером, крестившим его); но олени всё дохли и дохли. От громадного стада у чукчи остаётся уже не более четверти. Что делать? Чукча, наконец, додумался. В одно утро запряг он оленей в турку, взял русского бога в пазуху и поехал. Едет день, другой и на третий, наконец, приехал к тайге (лесу), выбрал большое дерево, взял ремень, достал образ и привязал его к лесине повыше, снял шапку, помолился ему и сказал: «ты, русский Бог, не сердись, не вспоминай меня злом, не делай мне худа, как я тебе не делаю этого, — ведь я тебя не бросил в тундре зря, — будет ехать русский, возьмёт тебя. И чукча зажил по-старому, как жили его деды и отцы и как живут все прочие чукчи, поклоняющиеся своим духам, держащие старую веру.

С принятием крещения, чукча остаётся тем же, чем и был, т. е. язычником. Некоторые из них крестятся по несколько раз, каждый раз получая что-нибудь в подарок от миссионера, — кирпич чая, табак и т. п. Я знаю двух чукчей-христиан, живущих по-прежнему с несколькими жёнами. Недавно ещё, а как утверждают некоторые из колымчан и теперь ещё нередко приносится чукчами человеческая жертва в чрезвычайных событиях, а также перед отправлением их на анюйскую (чукотскую) ярмарку. Насколько это верно — не знаю. Теперь же у чукчей вместо человека (обыкновенно для этого убивалась старуха) в жертву закалывается олень или собака (у шелахских чукчей).

III

Езда на оленях — Якуты в гости — Колымский хребет — Горные духи и жертвоприношения им — Духи, играющие в карты — Поверье — Станционная юрта — Натуральная дорожная повинность у якутов — Казаки и беззащитность якутов — Индигирка и её население; предание, с нею

связанное — Исчезнувший город — Ламуты, их вымирание — Рыболовство — Экономическое положение населения в северной половине якутской области — Ездовые собаки.

17 октября мы с Андылаха выехали на оленях, что после езды на лошадях казалось очень приятной и скорой ездой. Первые 70 вёрст от Андылаха мы проехали часов в 8, останавливаясь за всё это время раза два минут на 10-15, чтобы кормить оленей. После этого, поужинав и отдохнув часа три в первой попавшейся поварне, на тех же самых оленях ехали всю ночь и сделали менее чем в сутки 120 вёрст. Не доезжая 25 вёрст до Колымского хребта (в 400 верстах от Средне-Колымска), начинаются его предгорья и кончается страна озёр¹, а с нею и поселения якутов. В одной из поварен мы застали якута с женой и их работника, ехавших верхами в гости с Абыя верхоянского округа в колымский за Андылаха за четыреста вёрст от дома. Чтобы не бесплодно ехать — эти дорогие гости везли с собой кирпичный чай, которым и торговали по дороге. Для якута три, четыре сотни вёрст — расстояние не особенно велико, чтобы стоило задуматься. Редкий из них, пускаясь в дорогу, запасается пищей. По обычаю, издавна заведённому, путешественника везде накормят и дадут приют, не беря за то ничего, а иногда даже дадут на дорогу, если нельзя скоро рассчитывать на жителей; кроме того, якут в течение двух-трёх суток легко переносит голод или довольствуется самым незначительным количеством пищи. Но зато, раз добравшись до неё, он с голодухи может её съесть невероятное количество и проспать двое суток подряд.

В полдень другого дня наш небольшой поезд медленно поднимался по довольно отлогому восточному боку Колымского хребта; по обеим сторонам дороги тянулся густой лиственничный лес, который на самой только вершине хребта у самого перевоза, вследствие господствующих здесь сильных ветров, был редок и сильно исковеркан. Одни только остроконечные гольцы, возвышавшиеся по сторонам перевоза, совершенно были обнажены от него. С вершины хребта на обе его стороны открывается обширная мрачная панорама на бесконечно тянущиеся

---

¹ От Колымска и до хребта на пространстве 370 вёрст дорога пересекает около 70 озёр, из которых некоторые достигают 15 вёрст в ширину. В общей сложности дорога вёрст 150, если не больше, идёт по озёрам.

оголённые леса, нигде ни в чём не видно признаков жизни, обитаемости. У самого только перевала над дорогой поставлен грубо сколоченный крест, весь обвешанный конским волосом, шкурками, хвостами белок и разноцветными лоскутками разных недорогих материй. У подножия креста навалена груда больших камней, поддерживающих его от падения; ещё дальше кусты и остовы сломанных бурей деревьев, разубранные в прекрасный белый, сверкающий тысячью огней, наряд инея. Не так мы переезжали границу колымского округа несколько лес тому назад, когда ехали туда. Здесь нас в конце июня от самого подножия до вершины мочил дождь, а на вершине валил крупными хлопьями мокрый снег, рвал и пронизывал сильный северный ветер, наши лошади скользили и ежеминутно спотыкались о резко выдающиеся камни и плиты аспида.

Поднявшись на хребет, мы дали отдых оленям, а сами отправились осматривать занесённый снегом крест. В щелях его казак и ямщики отыскивали несколько медных монет, но серебра не оказалось, о чём, по видимому, сожалел казак.

— Всё забрали — ворчал он.

— Кто забрал?

— Да наши, что раньше проехали. — отвечал он.

— Ведь это кажется, считается грехом?

— Да, что с ними поделаешь; одно слово, варвары, всё пропьют.

— А вы что сделаете со взятыми здесь деньгами?

— Я их вот отдам ямщику, чтобы он купил свечку, когда будет в церкви.

Взять что-нибудь из здесь находящегося и принесённого в жертву горному духу великий грех, и никто из инородцев не сделает этого, за исключением только русских и то далеко не всех. Большинство русских так же суеверно, как и инородцы. Каждый, удачно поднявшийся на хребет, должен что-нибудь здесь оставить. Купцы кладут деньги, а их ямщики волос от гривы. Наш ямщик-якут оставил длинную палку, которой погонял оленей. Таких палок здесь оказалось много, волосу также иногда накапливается до пуда. К кресту когда-то были прибиты образ и кружка, но ни того, ни другого теперь нет: кто-то стащил.

Как тогда, когда я ехал в Колымск, так и теперь, мне передавали, что якуты верят, что каждый высокий хребет, горная цепь, каждая большая река, тайга имеют своего особого духа, духа гор, воды, леса и проч.

Кроме того, каждый округ имеет своего духа. Иногда этим духам бросают в тайге колоду карт, так как дознано, что они особенно любят эту игру; играют между собою и проигрываются в пух и прах. В последнем случае достаётся и людям. Если духи, примерно, играли на белку, то может случиться так, что индигирский дух выиграет у колымского, тогда значит у колымчан на белку будет плохой промысел, так как она переходит в верхоянский округ. Тоже бывает и с другими зверями. Говорят, духи снисходят до того, что садятся играть с людьми, но это бывает чрезвычайно редко. Замечательно, читатель, то, что духи эти, в существование которых так твёрдо верят инородцы, страдают теми же пороками и слабостями, что и люди. Так они даже не выдумали своего оригинального хотя бы даже в способе картёжной игры: у них та же распространённая игра, что и у якутов. Одним словом, якут их создал по своему образцу и подобию. Но пьют ли их духи также и водку? Нужно полагать, что пьют и закусывают. Ведь каждый инородец, когда ест или пьёт, то считает своим долгом плеснуть или бросить что-нибудь в огонь, в котором также сидит дух огня и чуть ли не из главных и при том добрых духов, играющих немаловажную роль у всех первобытных народов. Можно надеяться, что посредством двух этих пороков духи придут в упадок и вымрут, облегчая тем путь к нарождению здравых понятий среди людей. С этими духами должно произойти тоже самое, что и с олимпийцами древних греков. А пока что спустимся с якутского олимпа и посмотрим, что делается в другом, верхоянском округе, во владениях уже другого духа.

С хребта мы спускались чрезвычайно быстро: олени летели стрелой; в одном или двух местах, пересекши маленькую речонку, только что зарождавшуюся в этих горах, мы скоро очутились у подошвы хребта. Отсюда опять начиналась отвратительная кочковатая дорога, нарта то и дело опрокидывалась. Западная сторона хребта так же пустынна, как и восточная. Ночевать приходится в поварне, так как до первого жилья — станции остаётся от хребта сто вёрст. По обе стороны хребта вёрст на сто нет ни хороших лугов, ни рыбных озёр и поэтому они для якута непригодны. Тут изредка только бродят тунгусы, да иногда зайдёт якут на промыслы белки или дикого оленя. Рука человека не коснулась ещё здешней тайги. Удивительно мёртвая тишина, особенно зимой, изредка только нарушается криком какой-то птицы, да раз или два за весь день вспорхнёт стая белых полярных куропаток, или увидишь на снегу следы

волка, лисицы, но не их самих, даже зайцы, а их здесь много, как-то не попадают на глаза. Нужно обладать чутьём собаки и знанием инородца, чтобы не пропасть в таких местах. Наш самый лучший охотник не сразу бы нашёлся, что делать, а инородец с первобытными способами лова умудряется ловить и убивать зверя и птицу.

Первая после хребта станция — это Хатынагская (Оринкино), она стоит одиноко и помещается, как и все здешние станции, в якутской юрте. На станциях этих нет отдельной даже комнаты для проезжающих: вы находитесь вместе с ямщиками и их семействами и нередко и со скотом, который стоит тут же (телята) или сейчас же за дырявой переборкой в хотоне. Дверь для людей и скота всегда одна и та же. Вам, правда, освободят место в почётном углу на нарах (оронах) под образами и там вы устраиваетесь, как знаете. Внутренность станционной юрты ничем не отличается от сотни других юрт, разве только присутствие торгового свидетельства и билета на право содержания станции покажут, что здесь меняют лошадей или оленей, — и только. Никаких правил, расписаний, книг для записывания проезжающих здесь не ищите. Ведь это только земская дорога, а не почтовый тракт с правильно устроенной гоньбой. Здесь всё ещё в первобытном, зачаточном состоянии. Почтосодержатель якут знает только или чиновников, разъезжающих по делам службы, или казаков, возящих почту, государственных ссыльных или уголовных поселенцев, вольных же пассажиров он не знает: почтовая гоньба устроена не для них. Казаки, чиновники часто злоупотребляют своим правом, берут значительно больше лошадей, чем то следует, не платят полностью прогоны и проч. Не раз нам приходилось слышать как такой-то доктор или исправник, будучи командированными на службу в Колымск, забирали всех лошадей со станции и ещё прихватывали у других якутов, якобы под аптеку или казённую кладь, а на самом деле они везли из Якутска вино, табак, чай и др. товары, которые по приезде на место шли в обмен на пушнину. Нередко с почтою на одну лошадь идёт кладь какому-нибудь купцу или попу, писарю, что строго воспрещается, но из любезности и кумовства всегда допускается в ущерб, конечно, якутам, Якуты очень редко протестуют против этого, хорошо зная, что протесты их на к чему не поведут, да и дорого обойдутся. На них слово «почта», а ещё более «нарочный» действуют магически, не говоря уже о проезде исправника. Больше всего достаётся придорожным якутам, хотя бы они и не содержали станций. Казаки, нарочные никогда

ни за что не платят: едят и пьют даром. Не раз вы услышите как такой-то казак, вёзший почту или поселенца, брал у якута корову и резал её или врывался насильно в погреб за пищей, когда якут отказывался кормить даром. Казаки позволяют себе ещё более возмутительные вещи, сходящие им даром: они вторгаются в его семью, берут его жену на ночь, а мужа выгоняют из юрты. Пусть читатель не подумает, что это клевета, выдумка. Кто сколько-нибудь знаком с здешними порядками и казаками, тот нисколько не усомнится в этом. Якут или молча всё сносит, или же старается убраться подальше от дороги. Вот одна из главных причин, почему по дороге попадаются так редко якутские поселения. Есть много хороших лугов и рыбных озёр, но благодаря тому, что они близ дороги, их или издали утилизируют, или они совершенно заброшены. Кроме того, на якутов придорожных падает большая доля дорожной натуральной повинности: чистка дороги, срезывание кочек, уборка валежника, постановка дорожных знаков, проведение новых дорог, содержание переправ, устройство мостов, барьеров, лодок, плотов, постройка проварен и их ремонт. На случай проезда большего чиновника, требуется выставка на поварнях подставных лошадей или оленей.

С Хатынагской станции опять начинается чрезвычайно болотистая со множеством озёр равнина. Как летом, так и зимой эти места утомительно-однообразны и печальны, бадранам (болотам) нет конца, дорожки в лесу едва проторены, и по ним с трудом пробирается вьючная лошадь. Летняя переправа через Индигирку совершается на небольших лодках (карбасах), лошадей же перегоняют вплавь. Весной после чукотской ярмарки, купцы, возвращаясь в Якутск, не всегда успевают перейти её по льду, им приходится здесь ждать конца ледохода. Бывали случаи, что купцы засиживались здесь по месяцу, съедая все свои запасы. В такое время вследствие сильных разливов речки всякие сношения с окрестными жителями прерываются.

Индигирка, как и все другие реки этого края, текущие в Северный Ледовитый океан, в своих верховьях и в среднем течении очень слабо заселены или совершенно пустынные. Якуты удалены от её берегов и сидят на своих излюбленных низинах. В старину, как гласит предание, среднее течение Индигирки было густо населено ламутами и тунгусами, у которых даже было нечто вроде города Индигирска. С появлением русских, покоривших этих инородцев, а также с приходом якутов,

ламуты и тунгусы были оттеснены в горы, в леса или к северу, но и затем их всё-таки оставалось довольно много. На берегах Индигирки появился городок Зашиверск, от которого в настоящее время остались развалины церкви и кладбище, — жителей же ни единой души. Но что всего курьёзнее, ещё в конце семидесятых годов сибирская администрация считала его существующим. Сюда даже был сослан некто Ц-в. Только с приездом его в Верхоянск открылось, что его сослали в давно уже несуществующий город, в пустопорожнее место.

Говорят, Индигирка в среднем течении когда-то была рекой очень рыбной, но потом стало ловиться рыбы всё меньше и меньше, что в связи с свирепствовавшей здесь в начале настоящего столетия какой-то эпидемией (оспа, кажется), население сильно поредело, Зашиверск опустел. Одних ламутов, как здесь говорят, погибло тогда до четырёх тысяч. Насколько это верно, мы не знаем. Из памятной книжки Якутской области на 1870 г. видно, что в начале нынешнего столетия, «по случаю открывшихся в значительной степени болезней между жителями бывшего зашиверского комиссарства, командирован был туда для прекращения их лекарь 9-го класса Тимошевский», по мысли которого устроены тогда первые больнички в верхоянском округе. Тимошевский и тогда уже нашёл здесь массу сифилитиков и худосочных. Как бы то ни было, но и помимо эпидемий, часто посещающих эти края, заметно, что южные части верхоянского и колымского округов (особенно последнего), постепенно пустеют, население их стремится ближе к северу. Верховья и средняя Колыма, Индигирка, Яна покидаются русскими и якутами, занимающимися рыболовством, для их низовий и устьев, где рыбы ещё очень много. На старых местах остаются следы бывших поселений, и бродят немногочисленные рода ламутов и тунгусов, живущих главным образом от охоты. Все значительные поселения находятся на севере: Русское Устье, Алаиха, Ожогинск (на Индигирке), Казачье, Усть-Янск (на Яне), Быков мыс. Булун (на Лене), Нижне-Колымск, Походск, Кабачкова, Кресты и другие посёлки (в низовьях Колымы).

Раздаются жалобы, что и в низовья рек стало меньше заходить рыбы, но это далеко не верно и во всяком случае сильно преувеличено. Годом бывает и здесь недолов, но это случалось и прежде, что доказывается давним учреждением правительственных запасных рыбных магазинов на случай неуловов, голодовок. Рыба как прежде, так и теперь. не всегда

заходит одинаково в одни и те же реки. Бывает так, что в Колыме хороший лов, а в Индигирке плохой. Может случиться, что рыбы идёт много, но в самый сильный её ход бывают такого рода условия, при которых нельзя неводить. Ветры, высокая вода, поздний ледоход и много других причин сильно влияют на улов. Если в низовьях Колымы муксун, положим, ловился плохо, а омуль и нельма хорошо, то это ещё не значит, что и везде было так. На одной заимке, например, превосходно шёл омуль, а на других заимках или тонях вёрст на 30-40 выше или ниже вовсе не было улова и проч. Кроме причин, лежащих в самой природе, которые, конечно, и прежде были, есть много других условий, находящихся во власти человека, в нём самом. Укажем на некоторые из них. Уже не говоря о том, что население низовий рек стало много гуще, само его экономическое положение значительно ухудшилось, особенно в колымском округе, вследствие упадка скотоводства. Большинство населения не может завести хороших неводов, сетей, лодок и других принадлежностей для [...] и применительно к обстоятельствам. Обыкновенно невода слишком малы, снасти их недостаточно крепки, часто рвутся, лодки плохо сколочены, проконопачены мхом без смолы, негодны для дальних плаваний и в непогоду не могут идти: их заливают, парусов здесь вовсе не употребляют, и даровая сила ветра пропадает. Вверх по реке и гружёную и пустую лодку тянут бичевой люди или собаки. Самая большая на Колыме лодка 20-25 футов длины, могущая поднять пулов 70-80. Пространство от Нижне-Колымска до Ср. Колымска 500 вёрст под парусом можно пройти в 4-6 дней, обыкновенно же бичевой идут недели две. Вот почему большинству среднеколымцев самые рыбные места, как низовья Колымы, мало доступны. То же можно сказать о низовиках, у которых также плохи лодки; на них опасно показываться на взморье, где и бывает самый лучший лов жирной рыбы. Ехавший со мной казак, провёл одно лето на Барановом мысу. Здесь — говорил он — забросишь бывало сеть в море, а минут через 10 или 15 уже вытаскиваешь десятков и более самых лучших, жирных омулей, каких он в Колыме никогда не лавливал. В этом отношении, как и во многих других, прадеды и деды сегодняшних колымчан стояли гораздо выше, у них были большие хорошие лодки — кочи, поднимавшие по 30 человек с запасами пищи, одежды и оружия; они знали употребление паруса, смело пускались в океан, открывали новые острова, огибали Чукотский нос,

---

¹ В оригинале часть текста (2-3 слова) утрачены. — прим. OCR.

открыли Берингов пролив. Теперь же их недостойные, выродившиеся, объякутившиеся потомки не рискуют в сильный ветер переплыть Колыму у Средне-Колымска. — Боязно, говорят: можно утонуть. И вот колымчанин не едет, ждёт пока ветер ослабеет и тогда только пускается в путь на вёслах или бичеве. Смотришь, он прозеваает ход рыбы, приехал не вовремя, там, смотришь, пошла вода на прибыль, затопила тони, опять неводить нельзя, жди, пока спадёт вода. А тем временем рыба прошла. Вот всегда так здесь.

— Вот вы говорите, что теперь самый ход омуля, почему же не неводите? — спросишь рыбака спокойно созерцающего зеркальную поверхность широкой Колымы.

— А нельзя, шибко быстерь большая (течение сильное) недоль ставить.

— Можно грузил прибавить и невод не будет ставать.

— Оно так, да снасть не выдержит.

— А теперь почему не неводите? — спросишь другой раз.

— Вишь вода высока, тони нет, — или скажет, что рыба идёт средней реки или глубоко по дну, что невод короток, глубоко не хватает и т. п.

— Вы бы расчистили вот этот берег и неводили бы. Есть ещё и другие способы ловить в большую воду.

— Да, это можно, — соглашается ваш собеседник — да вишь, силы нету, народу нет.

— Вас здесь на тоне пять неводов, можно сделать это сообща.

— У нас заводу такого нет, мы этого не знаем, может быть, у вас, российских, так бывает, а у нас каждый сам за себя.

Предприимчивости, инициативы вы здесь не ищите, общественного почина также нет.

Правда, и иногда два-три бедняка, имея каждый несколько столбов невода или лодку, соединяются вместе и неводят, добытую рыбу делят между собой по паям. Завести хороший невод не у каждого хватит достатка. Самый главный материал для невода, конопля, здесь у купцов стоит фунт от 40 до 80 копеек, в казне несколько дешевле, но её очень мало, она всегда нарасхват и достаётся не всегда наиболее нуждающимся. С каждым годом число неводов в Средне-Колымске уменьшается, и некоторые хозяева совершенно разорились и предлагают свой

труд богатым людям. Положение безневодных печально. Летом и осенью они сыты, но зато зимой и особенно весной им пригодится плохо.

Некоторые из посещавших эти края обвиняют здешнее население в неумении производительно употреблять рыбу, что масса её гибнет совершенно зря. Это отчасти справедливо, но винить одних только жителей нельзя. Если у них весь почти летний улов рыбы идёт на приготовление юколы, жира, варки (рыба, варенная в жире), и негодные остатки на откармливание ездовых собак, то это потому, что юкола играет здесь роль хлеба, она легко сберегается, не скоро портится, легка, а потому удобна к перевозке на далёкие расстояния, что при здешних путях сообщения очень важно. Жир и варка также необходимы, вкусны и чрезвычайно питательны; кроме того, рыбий жир употребляется как осветительный материал. Летней рыбы в засол идёт мало, а сельдей вовсе не солят. Засаливают мало ещё и потому, что не везде и не каждому доступна соль, доставляемая сюда казной.

Соль в Средне-Колымске в магазине стоят 1 р. 20 коп. пуд. Большая часть рыбы в свежем виде сохраняется в погребах, в которых чувствуется большой недостаток, или просто в ямах, вырытых в вечномёрзлой земле. Здесь, как и в плохих погребах, рыба претерпевает некоторый процесс, придающий рыбе особый специфический запах и вкус, впрочем, нравящийся здешнему населению. Говорят, что такая рыба, а также слабо посоленная и с душком (вонькая), иногда просто с отвратительным запахом, не так скоро приедается, как совершенно свежая или хорошо посоленная. Громадное количество рыбы осеннего лова потребляется зимою в виде строганины — это самое любимое блюдо здешнего обитателя. Копчение здесь вовсе не применяется к рыбе. Юколу только слегка дымят, хотя диких уток, гусей некоторые из русских и инородцев хорошо коптят. В последние два года по почину администрации на одной из заимок была устроена коптильня, где местный исправник делал опыты по присланному руководству коптить сельди с целью привития копчения среди населения, но всё это выходило как-то неудачно и доставляло колымчанам большое удовольствие смеяться над затеями начальства. Было также время (кажется, в 60-х годах), когда начальство принуждало рыть хорошие погреба, дорого здесь обходящиеся.

Чукчи, северные тунгусы, ламуты и большая часть якутов и юкагир совершенно обходятся без соли. У русских же в низовьях Колымы, кроме

недостатка в соли, нет ещё посуды для солки рыбы, так как здесь не развито бондарное ремесло: употребляются для солки дояги из-под спирта, обходящиеся очень дорого. Большая часть сельдяного улова вместе с нерпичьим жиром идёт на корм собакам. Это дало повод г-ну Нейману посмеяться над нижеколымчанами. Когда он их спрашивал, зачем они держат собак, то ему отвечали: — Чтобы ездит за нерпой. — А нерпа для чего? — Для того, чтобы собак кормить, был ответ. Но это далеко не верно. Здесь все переезды, все поездки на промысел за рыбой, за пушным как осенью по первому льду, не покрытому ещё снегом, так зимою и весною по торосам и тундре без дороги, по едва затвердевшему верхнему слою снега, когда не может идти ни олень, ни лошадь, — собака легко бежит, не проваливается. Правда, содержание собаки дорого обходится, но вопрос, что дешевле обошлось бы: содержание её или лошади, или оленя. Лодка, как средство передвижения, служит только в продолжении 3½-4 месяцев в году. Там же, где становится возможным держать лошадь или быка, там собака вытесняется, как в Верхоянске, но не в Средне-Колымске, где вследствие падежей скота, собаки удержались. Г-н Нейман в своём реферате, читанном в 1872 году в сиб. отд. геогр. общ., между прочим, указывает на собак, как на зло. Он делает несколько преувеличенный расчёт, что в колымском округе собаки съедают весь улов сельди (около полутора миллиона шт.), на сумму 30 тыс. руб., т. е. говорит он: «то самое количество денег, которое до настоящего времени составляет весь оборот торговли пушным товаром». Допустим даже, что это верно, но всё-таки без собак пришлось бы совсем плохо; у нижеколымчанина не было бы и того, что он теперь имеет. Причин дурного экономического положения здешнего северянина следует искать не в этом, а в кое-чём другом, гораздо глубже, и причины эти не так легко устранимы, как многие полагают. Чтобы поднять благосостояние населения, прежде всего нужно обратить внимание на поднятие главной основы здешнего хозяйства, именно: на улучшение способов эксплуатации рыбного богатства, на урегулирование вместе с тем и других побочных промыслов. До сих пор здесь ведётся хозяйство безобразно-хищническим образом. Русские и инородцы на всё набрасываются и истребляют немилосердно, крайне нерасчетливо, нисколько не думая о завтрашнем дне. И это понятно. Там, где всё почти население находится в неоплатной кабале нескольких торгашей, преимущественно богатеющих на пушном, на которое и существует главный спрос, — там и все

силы направлены в эту сторону, в ущерб рыбопромышленности. Разве мыслимо было бы, чтобы при обилии пищевых запасов, даваемых морем и землёй, случались почти ежегодные недоедания и даже голодовки то там, то здесь? Население с каждым годом становится всё беднее, а между тем, потребности растут и потребности такого рода, которые, не развивая интеллектуально-нравственных сторон человека, не поднимая его экономического положения, бьют главным образом на внешность, на удовлетворение искусственно привитых привычек, которых прежде не знали: водка, табак, чай, сахар, гнилые ситцы, плисы, дорогие материи взамен мехов, вывозимых из края. Доброкачественные же полотна, сукна, дабы, ситцы мало сюда привозятся, так как и всякая гниль, брак, навязываемые населению, хорошо идут и приносят хороший процент. Впрочем, к купцам и торговле мы ещё возвратимся.

IV

Инородная управа — Абый — Якутская арифметика — Падёж оленей. — Задыхание рыбы — Выжигание лесов — Река Селенях — Станция в горах — Ещё предрассудки якутов — Оригинальное лечение — Тасхаяктахские горы и тарыны — Поварня «убиеная» и предание с ней связанное — Ламуты — Кочующие станции — Экономическое и санитарное положение якутов верхоянского округа — Медицина и медики.

Если ехать зимой, то, переехав р. Индигирку, встречаешь много юрт, в которых незаметно никаких признаков жизни, — это так называемые летники. Только с наступлением весны начинается в них здесь жизнь; на полях бродят лошади и рогатый скот, там и сям для защиты скота от комаров разложены курева из гнилого дерева и навоза. Без дыма скот не выдержал бы комаров и пропал бы.

Не доезжая десяти вёрст до Кенкельской станции (Абый), в 30 верстах от Индигирки, находится Эльгетская инородная управа, соответствующая нашему волостному правлению; она ведёт дела якутов, чинит суд и расправу через выборных голов, старост, выборных, судей, сходов по обычному якутскому праву под непосредственным контролем местной окружной администрации. Здесь писарь (суруксук) также играет немалую роль, как и в наших волостях. Он всегда хорош с исправником и меньше всего заботится об интересах якутов.

Эльгетская управа стоит одиноко на берегу громадного озера, имеющего в окружности вёрст 30, здесь находится квартира писаря, караулки, соляной и хлебный магазины, — якуты же живут вразброску поодаль от управы вокруг этого же озера или других озёр, которых здесь очень много.

Содержатель Кеннельской станции на Абые старик-якут, хорошо изучивший привычки и нравы проезжающих русских, он всегда сумеет угодить каждому из них. Нигде может быть по дороге от Колымска до Якутска не встречают так радушию путника, как на Абые. Это умный якут и вместе с тем, как говорят, ловкий плут, которого никто не проведёт. Он, сидя на тракте, сумел разжиться. Во всём округе хорошо знают Василия Николаевича Ефимова, этого якутского политика. Его из года в год выбирают или старостой, или головой. — Я служил трём царям, — говорил он нам — и царь должен мне дать пенсию, я хочу об этом его просить.

Ефимов содержит станцию, ведёт большое хозяйство и, как все зажиточные якуты, занимается кое-какой торговлей. Он неграмотен и не знает по-русски, но тем не менее свою счётную часть по службе и по хозяйству ведёт прекрасно с помощью очень нехитрой якутской арифметики; вместо цифр и бирок он употребляет следующие знаки, которые, как он меня уверял, в употреблении между многими якутами. Здесь я выписываю некоторые из этих знаков из его записной книжки.

Х означает десять единиц.

I — одну единицу.

О — десять копеек.

Ө означает сотню (мешок),

С — полсотни (полмешка).

Уплаченный счёт перечёркивается.

Когда я показал Ефимову употребление арабских цифр, то он их признал менее сложными и пожалел, что он неграмотен и не знает по-русски.

В год нашего проезда на Абый был плохой лов рыбы и к весне ожидалась голодовка. Ефимов говорил, что и теперь уже многие нуждаются в пище. Кроме того, у окрестных тунгусов и ламутов сильно падают олени от коросты (паршей). У одного ламута, Афанасия, если верить рассказам, имевшего до семи тысяч оленей, пало от этой болезни более половины. Действительно, начиная от Андылаха и до Верхоянского хребта

на пространстве 1,600 с лишком вёрст мы везде встречали оленей, заражённых коростой. Олени, которых запрягали нам в нарты, были также больны и имели чрезвычайно жалкий вид. На оленях во многих местах шерсть совершенно повывезла и обнажила отвратительные язвы. Болезнь эта так обессиливала оленей, что они скоро приставали, задыхались и часто падали замертво.

Против этой пагубной болезни не принимается никаких мер. Редко даже кто отделяет здоровых от больных, хотя это первое средство к пресечению заразы. Говорят, что чукчи в подобных случаях поступают очень радикально. Отделив всех здоровых оленей и перегнав их в другое место, всех заражённых убивают. Про одного чукчу мне рассказывали, что всё своё заражённое коростой стадо, а также и остававшихся ещё здоровыми переколол и сжёг свою старую одежду и все вещи до ножа, которым колол оленей, включительно; сам же отправился к своему богатому сыну с тем, чтобы вновь завести стадо.

Мы, впрочем, встретили одного почтосодержателя русского (в верхоянском округе), который с успехом лечит своих оленей отваром махорки и скипидаром, теми же средствами, что в употреблении при лечении овец. Он нам говорил, что обращался к якутской администрации с предложением предписать принять оленеводам эти меры и что в этом направлении было кое-что сделано, но не привело ни к каким результатам: всё идёт по-прежнему. Что могут сделать разные приказы и наставления там, где табак продаётся чуть не на вес золота, а скипидару и вовсе нет? Все подобные предписания и наставления постигает одна участь — забвение. В колымских, да и в верхоянских озёрах, когда они покрыты толстым слоем льда или когда промерзают до самого дна, масса рыбыдохнет, задыхается. Администрация и здесь не теряет: шлёт исправникам предписания распространять между инородцами советы как избежать, чтобы рыба не пропадала: следует, мол, только рубить на озёрах побольше ополоней и поддерживать их открытыми. Разумеется, никто это не делает, так как говорят, не хватило бы всех наличных сил выполнить эту нешуточную работу. Толщина льда в 5-6 футов, адские морозы, сковывающие тотчас же ополонь и масса других технических и житейских условий обрекают заранее на неуспех и забвение подобные проекты. Наконец, как утверждают якуты, причины гибели рыбы далеко ещё не выяснены и не основательно их приписывать одной вышеприведённой причине. Ими замечено, что рыба не каждый

год и не всегда в суровые зимы дохнет. Я, между прочим, заметил, что один год около Средне-Колымска были сильные лесные пожары и затем к осени в озёрах началадохнуть рыба. В данном случае, можно предположить, что примесь щелочных вод, стекавших в озёра, действовала губительно на рыб.

Вообще нужно заметить, что выжигания лугов, часто переходящие в большие лесные пожары, губительно действуют ещё и на промысел зверей. Там, где прошёл огонь, выжегший даже торф и погубивший лесную растительность на долгое время, всё живое, начиная от птиц, зверей и до последней мыши, всё далеко бежало, бежал и человек со стадом оленей. Где появился якут с огнём, там нет уже места кочевнику-тунгусу или ламуту со своими оленями. Нередко лесные пожары изменяют самый характер местности, особенно это бывает на низинах. На месте выгоревшего леса и торфа часто образуются глубокие впадины, которые затем, наполнившись водою, образуют озёра, болота, появляется трава, что собственно и преследует якут-скотовод, выжигая леса. Это пионеры с могущественною силою огня, даром Прометея, прокладывают дорогу цивилизации. Там, где прежде существовало несколько сотен белок, да бродил голодный медведь, теперь кормится несколько семей и пасутся десятки голов рогатого скота и лошадей. Это хорошая сторона выжигания лесов.

Эльгетская управа, Абый с его гостеприимством остаются позади, и мы опять мчимся почти сплошь по большим озёрам (на 120 вёрст 33 озера), которых здесь ещё больше, чем между Колымой и Индигиркой, но здесь они не так рыбны, как там. Страна носить тот же вид некультурности, что и прежде, хотя жители попадаются чаще, но они производят неблагоприятное впечатление своей неряшливостью и грязью своих жилищ, всегда находящихся вместе со скотником (хотоном). Бедность на каждом шагу. У некоторых хотя и много скота, но он как-то плохо выглядит и не породист, впрочем, чрезвычайно вынослив, как и сам якут, который здесь больше скотовод и зверолов, чем его собрат в колымском округе, да и в более северных широтах Якутской области.

На четвёртый день езды мы опять очутились в пустыне. Перед нами на зимнем сером небе едва вырисовывались белоснежные, совершенно лишённые растительности вершины гольцов, и дорога входила в долину р. Селеняха, притока р. Индигирки. Селенях очень слабо заселён

якутами, так что на протяжении двух станций (от Эгеляхской до Кюре-
ляхской 180 вёрст) встречается только два поселения и 18 озёр, не осо-
бенно богатых рыбой; в них ловится только небольшая рыбка пелядка;
чиров же и других крупных рыб, за исключением небольших щук, вовсе
нет. Последнее якутское жильё на Селеняхе, за исключением ст. Кюре-
ляхской — бедная юрта, хозяева которой брат и сестра влачат самое
жалкое существование, кое-как перебиваясь рыбой и дичью, добываю-
щимися в самом ограниченном виде. В Селеняхе водится только неболь-
шая горная рыбка хариус, которую преимущественно ловят осенью по
льду, для чего перегораживают реку и ставят рыболовные снаряды.
Скотоводство по причине плохих лугов не развито.

Ещё несколько дальше и последнее постоянное жилище — юрта: это
Керюляхская станция, затем около трёхсот вёрст горных пустынных
ущелий, где якуту нет уже места. Сама станция стоит у Селеняха в до-
вольно ещё широкой его долине и состоит из одной старой юрты без
всяких пристроек. Мы здесь нашли одну только девочку и жену одного
из ямщиков, проживающих на станции; сами же ямщики и все лошади
были в разъезде и благодаря этому мы просидели здесь более двух су-
ток, но мы были ещё счастливы, так как на этой станции нередко про-
сиживают по целым неделям, и это бывает нередко. Три года тому назад
волки разогнали оленей, и в продолжении трёх недель съехались: почта
и нарочный из Якутска, почта и нарочный из Колымска, да ещё подье-
хал с женою чиновник Л., ехавший в Колымск на службу. Некоторым из
них пришлось просидеть дней по 20 и более.

Это одна из самых больших и даже опасных станций по колымско-
верхоянской дороге. От Кюреляха в одну сторону к Эбеляхской станции
180 вёрст, в другую к Тостахской около 300, проходящих по совершенно
незаселённым местам (попадаются одни только поварни). Бывают вре-
мена, когда этот трёхсотный переезд бывает просто ужасным. В ущельях
гор, в долине р. Селеняха часто дуют также сильные ветры с метелью,
что нет возможности ехать; кроме того, снежные заносы или совер-
шенно оголённая от снега земля и острые камни также сильно затруд-
няют езду. Часто вследствие заносов почта и купцы сидят в горах по не-
деле, по две, не добравшись даже до ближайшей поварни, съедая все
свои запасы. Не раз мы слышали рассказы, как нарочным приходилось
по два-три дня поддерживать свою жизнь настоем листьев тальника
или чая, но не решаясь убить лошадь или оленя, чтобы тем не лишить

себя единственной возможности выбраться из этих мест. Ямщики станции про довольствуются большей частью привезённой издалека провизией: от якутов с Тостаха или от ламутов, изредка кочующих в горах, на месте ловится немного только рыбы. В трудные времена поедается всякая гадость включительно до дохлятины. Нужно самому побывать в такой обстановке, чтобы вполне понять, как можно дойти до такого состояния неразборчивости, чтобы есть кишашую червями рыбу или мясо. Я сам был очевидцем, как в юрту втащили павшего в дороге оленя, сплошь покрытого коростой. Его мясо и печень, едва пропечённые на огне, не поморщившись ели как якуты, так и казак, имевший ещё в запасе много коровьего мяса и рыбы. Впрочем, замечу здесь, что вообще якуты, даже верхоянские, пожирающие отвратительных вонючих еврашек, ни за что не станут есть головного мозга коровы, лошади, оленя и других четвероногих животных, боясь стать наравне по уму с тем животным, мозг которого они поедят. Между русскими есть также немало разделяющих это поверье. Незадолго до моего приезда на Кюрюлях ямщиками было убита лошадь, мозг которой валялся позади юрты, глаза, тоже не пошедшие в пищу, находились на завалинке при входе в юрту; череп же, лишённый мяса, съеденного в сыром виде, был положен на берегу реки, в кустах, копыта лежали рядом на одной из нарт. Во всей окрестности нет ни единой собаки и всё это распределение сделано руками человека и, как видно, не бесцельно, но для чего именно — мне удалось узнать.

Та же станция дала мне возможность увидеть оригинальный способ лечения. У одного из ехавших с нами ямщиков давно уже была вывихнута в ступне нога, в дороге он её сильно натрудил, и она до того распухла, что не позволяла ему ходить, и он с самого приезда на станцию лежал. Однажды казак обратился ко мне.

— Посмотрите, как наш ямщик лечится.

Я оглянулся. На ороне (нарах) полулежал якут с обнажённой до колена больной ногой, в разных местах её ступни были наложены небольшие кусочки трута, медленно тлевшие. Кожа под ними вздувалась, трескалась, вскакивали волдыри, но якут не выдавал себя ничем. Не менее стоическим образом расковыривал он эти волдыри ножом и выжимал из них жёлтую кровянистую жидкость.

— Это он для того делает, — заметил казак, — чтобы выгнать оттуда всю эту дурность.

На другой день мы уехали, а якут всё ещё не вставал: повторил ли он опять эту мучительную операцию, чтобы уже окончательно прогнать дурность из расшалившейся не вовремя ноги, или, быть может, в запасе у него оказался другой не менее верный способ лечения, мы это не знаем.

Начиная от Кюреляха горы всё больше и больше сближаются, гольцы яснее вырисовываются, растительность становится скуднее, озёр не попадает. В одном только месте, где р. Селенях делает крутой поворот к северо-западу, горы сразу расступаются, образуя громаднейшую котловину, со всех сторон замкнутую высокими гольцами. Котловина эта зимой очень эффектна и поражает своей грандиозно-дикой, холодной панорамой ледника. Такой вид придают ей особенно тарыны и белоснежные громады гольцов; лес разбросан небольшими куртинами на самом дне котловины.

Кто не бывал в заполярных странах, тому едва ли знакомо то явление, которое известно здесь под именем тарын. Представьте себе, что в самые лютые морозы и чем они сильнее, тем лучше, начинает показываться из-под земли, из-под камней и щебня вода в таких местах, где и признаков не было, воды этой бывает так много, что она образует целые потоки по брюхо лошади, текущие всю зиму. В одной из поварен мы нашли отметку одного купца, в которой говорилось, что 30 ноября на тарынах он подмочил свою кладь и здесь её сушил. Нам самим едва не пришлось искупаться в одной из них, — это при сорока градусах мороза! В совершенно высохших к зиме руслах горных ручьёв и речек, а иногда просто на ровных местах показывается вода, которая тут же замерзая, постепенно образует толстый слой льда, достигающий до сажени в толщину. Якуты говорят, что вода выходит из камней, что мороз оттуда её гонит. С наступлением летней жары тарыны тают, образуют потоки и потом совершенно высыхают, но с наступлением зимы опять появляются. Такие места издали кажутся дымящимися от паров воды, выходящей через едва заметные скважины в тарыне. Даже над гольцами иногда по целым часам стоит неподвижно облачко, доказывающее присутствие там тарына, что и подтверждают тунгусы. Там это уже ледники, никогда окончательно не растаивающие. Я хорошо не знаком с процессом образования тарынов, я только заметил, что они всегда образуются между гор или у их подошвы, но никогда, кажется, в местах плоских, не гористых.

Тарыны в горах, наледи и накипи на реках составляют сущее мучение при езде на здешних некованых лошадях. Нет возможности без смеха и в тоже время без жалости смотреть на оленей, выделяющих на тарынах самые уморительные па, скачки, прыжки, они ежеминутно падают, опять вскакивают и опять падают, еле подвигаясь вперёд с нартой.

С поварни Тюряхурья (осиновая речка) в 110 верстах от Кюреляхской станции дорога уже извивается по узкому ущелью, по руслу высохшего ручья. Вследствие страшных ветров растительность здесь очень жалкая, а дорога без снега. В десяти верстах от этой поварни стоят два креста, у которых отделяется старая дорога в Колымск через Зашиверск, давно уже заброшенная, так как места, по которым она проходила, совершенно обезлюдели.

На перевале через Тасхаяктахский хребет¹ (в 160 верстах от Кюреляха), как и на других хребтах, стоит крест, увешанный дарами горному духу. Этот хребет много грандиознее и выше колымского, на последнем есть ещё растительность, на этом же, кроме мха, ничего нет. Зато через десять вёрст от перевала открывается чрезвычайно живописная с роскошным лиственничным лесом долина, орошаемая р. Долдо. С этой рекой, а также с первой от хребта поварней связано предание, что здесь когда-то давно, когда только что появились в этой стране первые русские казаки, произошла отчаянная битва русских с кочевавшими здесь ламутами. Последние не пускали казаков пройти на Индигирку, где были их главные кочевья и отражали казаков стрелами. Победа осталась за русскими, стрелявшими из ружей. Страна была опустошена, ламуты разбежались. В другой раз на том месте, где теперь стоит поварня «убиеная» или «побоище», вскорости после первой битвы, ламуты подстерегли партию русских, возвращавшуюся из покорённого индигирского кочевья и, за исключением одного, счастливо спасшегося, перебили всех.

Вот почему эта местность и поварня и носят название «побоища» и «убиенной».

В настоящее время в этих горах кочуют незначительные остатки когда-то весьма сильного племени ламутов. Недалеко от поварни нам пришлось видеть три семьи ламутов в их переносных чумах, сделанных наполовину из бересты, наполовину из ровдута. Занимаются они, как и двести лет тому назад, оленеводством, охотой на диких оленей, сохатых

---

¹ Тас — камень, хая — гора.

и горных баранов (чубуку); живут бедно, постоянно находятся в движении, трудолюбивы, неустрашимы, стойко переносят всякие невзгоды, искусные стрелки из плохой сибирской кремнёвой винтовки, ростом очень малы, но грациозны и вообще производят очень хорошее впечатление. Между ними, говорят, вовсе не развит сифилис, так как они всегда сторонятся русских и якутов и очень осторожны в сношениях с ними. Это небольшое племя среди всех других здесь обитающих племён лучше всех сохранилось в своей первобытной чистоте, хотя уже давно исповедует христианство, впрочем, мало коснувшееся его мировоззрений и быта. Водка, правда, и среди них делает своё цивилизаторское дело, ламуты же большие до неё охотники, как и до кирпичного чая, который вошёл у них в употребление, они его пьют с солью.

Всё пространство в 300 вёрст, заключённое между станциями Керюляхской и Тостахской, мы проехали в шесть дней, летом то же число дней езды, езды по совершенно безлюдным местам. Это одна из худших по своим неудобствам, а часто и опасности станция требует устройства промежуточной станции. Такое устройство всеми признаётся крайне необходимым.

Измученный длинным переездом, я с нетерпением уже предвкушал какое ни на есть жильё, но каково было наше удивление, когда, переехав р. Тостах, нам не пришлось найти станции там, где она предполагалась. После часового розыска нам удалось её найти в какой-то полуразрушенной, грязной, холодной якутской юрте, наполненной ламутами, которые на другой день и повезли нас дальше. Здесь никого не удивишь тем, что станции кочуют: это бывает сплошь и рядом. Их переносят вёрст на 30 и более в сторону от дороги, смотря по времени года, а также и по тому, кто содержит станцию. Так как зимняя и летняя дорога не везде между собою совпадают, а также и потому, что почтосодержатели меняются, то и станции приходится переносить с места на место, из одной юрты в другую.

С Тастахской станцией кончаются предгорья Тастахских гор, а с ними и редкие кочевья ламутов; дальше по дороге до самого уже Якутска их более не встречается.

Реки Тастах, Табалах — притоки(?) р. Адычи, текущей в р. Яну, которые приходится пересекать, не обильны рыбой и единственное их население, якуты, главным образом живут скотоводством и отчасти звероловством; большинство их чрезвычайно бедно и грязно, грязнее, чем в

колымском округе. Плоская возвышенность правого берега р. Адычи слабее ими заселена, слабее, чем низменная плоскость между этой рекой и Яной. Здесь постоянно раздаются жалобы, что жить стало труднее, бедных стало больше, народ стал хуже и проч. в том же роде. Что же касается этого прошлого, относящегося, например, к концу пятидесятих годов, то вот что говорит бывший верхоянский окружной врач Козловский. «Якуты верхоянского округа весьма бедные, до крайности ленивые, беспечные, но прожорливые, расположенные своими кочевьями, в сырых болотистых странах, при стоячих озёрах, не имеющих протоков, живущие в кое-как поставленных на сырой, голой почве, без всяких полов, в дымных, тёмных и душных юртах, переполненных спёртым воздухом, вместе с рогатым скотом, большей частью паршивым, в невыразимой неопрятности, в нечистой одежде и обуви из конских шкур, состоящих и переходящих из рук в руки; не имеющие от рождения рубах, не знающие никогда никакого омовения своего тела, не имеющие даже для лица утиральника; в пищу они летом употребляют зайцев, еврашек и даже конскую падаль, а зимой рыбу, летом изловленную (это несколько неверно: летом и зимою главной пищей верхоянских якутов служат молочные продукты, и вообще они далеко не такие обжоры, какими их рисует Козловский и многие другие: они только после продолжительных недоеданий действительно могут сразу много съесть); вся эта пища употребляется без соли и всякой растительной приправы и, по не имению погребов, большею частью промозглая; хлебной же пищи они и иметь не могут; день и ночь проводят во сне и еде и всякое занятие считают отягощением. (Пам. книж. якут. обл, 1870 г., стр. 50). Последнее обвинение якутов в лени также слишком преувеличено. По крайней мере, теперешний якут трудится довольно много, особенно летом и особенно женщины, которые работают круглый год, рук не покладая. Всё домашнее хозяйство, уход за скотом, часто колка дров и многое другое лежат исключительно на них, и их уж ни в каком случае нельзя назвать ленивыми.

Вот то лучшее прошлое, о котором вспоминает теперешний якут. При таком социально-экономическом положении якутов, да и других инородцев, которое притом же с каждым годом всё ухудшается, не удивительно то вымирание населения верхоянского округа, которое уже не раз было констатировано. Начиная с первой четверти настоящего столетия, целый ряд окружных врачей даёт весьма неприглядную картину

санитарного состояния края. Ими установлены факты разных заразных, эпидемических и других болезней, поражающих из года в год это жалкое население. Сифилис в разных его формах, проказа (lepra), чесотка, оспа, корь, грипп, тифы, катары и проч. болезни действуют самым губительным образом, ведя население к вырождению, вымиранию, к понижению расы в интеллектуально-нравственном и физическом отношениях. Так было в прошлом, таким остаётся и в настоящем. Что могли сделать все эти врачи по одному на округ, из которых каждый равняется большому западноевропейскому государству (верхоянский округ вдвое больше европейской Турции, колымский в два с лишком раза более Пруссии). Иногда же по целым годам в округах не было вовсе врача. Колымский округ в последнее время более шести лет оставался без доктора, при двух только страшно невежественных фельдшерах, только пьянствовавших и по целым месяцам не заглядывавших в больницу. Можно сказать без всякого преувеличения, что врачебная часть в том виде, в каком она находится, и с тем составом и при тех средствах, которыми она располагает, ничего не в состоянии сделать. Нужно только видеть тех субъектов, которые недостойно носят высокое звание врача, чтобы заранее предсказать, чего можно от них ожидать. Там, где и добросовестный врач, преданный своему делу и готовый помочь людскому горю, должен на каждом шагу бороться с невероятными и нередко непреодолимыми трудностями, с трудностями, часто воздвигаемыми самой местной администрацией, не терпящей возле себя таких людей, — что, кроме вреда, принесёт карьерист или пропойца врач? Жалко то население, которому приходится пользоваться разным браком, идущим к нему из Европейской России. А ведь сюда идёт только брак, начиная от разных товаров и кончая чуть не последним писцом в полиции. И сколько этого брака здесь, если бы вы знали, читатель! Хлам, которому на русском рынке нет цены и на который не существует спроса, здесь идёт чуть не на вес золота, а в собственных его глазах нет ему равного. Все специфические свойства товара-чиновника, которых он там дома не смел проявлять, здесь получают полный простор. Товар начинает фордыбачить, драть кверху нос и проделывает просто невероятные вещи. Мы знаем многих товаро-субъектов, бывших дома ниже травы, тише воды и годившихся разве только в полотёры, здесь же прямо говорившие, не стесняясь: я здесь царь, кто против меня? Пред ними всё дро-

жало и склонялось. По мановению такого олимпийца, любого гражданина какого-нибудь заполярного городишка набрасывалась целая свора казаков, избивала и сажала под арест и всё это сходило даром. Конечно, читателю нечего говорить, что сила этих султанов покоится отчасти на невежестве и экономической приниженности населения.

V

Верхоянск — Приезд ревизора — Способ убеждать якутов — Якуты перед начальством и дома — Серебряные ружья — Оспа на Булуне и бегство инородцев — Дуалистическое мировоззрение якутов — Идолы — Всевидящее око — Шаманы — Якут в тайге — Предание и поверья верхоянских якутов — Создание земли и пленение дьявола — «Седётка» — Чёрт-любовник — Аи! — Анимизм у якутов — «Сироты-рабы».

В Верхоянск въезжал я утром 7-го ноября; мороз был страшный; город находился как бы в тумане и только по мере приближения к нему одна за другим выныривали его жалкие лачужки, домики без крыш, юрты, поленницы дров, полицейское управление и наконец церковь. Несмотря на ранний час, в городе замечалось какое-то непривычное движение, суетня, и не диво: в городе находился вице-губернатор, ревизовавший полицейское управление.

Благодаря этому обстоятельству нам пришлось просидеть здесь несколько дней. Во всё это время жители находились в какой-то им несвойственной ажитации. Особенно волновались якуты, специально сюда приехавшие, чтобы повидать самого губернатора, как они называли ревизора и подать ему прошение. Всё, что умело составлять нехитрые просьбы, было усердно занято изведением чернил и бумаги. Якуты верили, что то, что по несколько лет оставалось неудовлетворённым и вопияло к справедливости, будет по одному мановению улахан тоёна (большого господина) сделано.

Как и везде в подобных случаях, и десятой части разных злоупотреблений, а их здесь масса, не доходило до сведения ревизовавшего. Полиция заранее приняла все меры, чтобы «не беспокоить» его высокоблагородия «разными пустяками». Я думаю, что ревизор из своего краткого

здесь пребывания вынес, что всё обстоит благополучно и ничто особенно не вопиет к небесам, да и якуты, вероятно, остались довольными тем, что тоён даст ход их жалобам и прошениям.

Верхоянский округ вот уже несколько лет пробавляется гнилой, горелой, никуда не годной мукой. О, с этой мукой целая история! Сколько здесь пролито слёз, сколько проклятий со стороны казаков и якутов! Мы не знаем была ли эта мука доставлена в Верхоянск уже испорченной или же испортилась здесь, в магазине. — нам пересказали только, что эту муку велено было раздать по наслегам для продажи якутам. Ещё при исправнике К-м в городе были созваны головы — старшины наслегов, которым и приказано было разобрать по своим наслегам испорченную муку. Большинство призванных исполнило волю начальника, некоторые же упёрлись и не брали её, но и они после увещеваний и «ясных доводов» уступили. Мука пошла в улусы: в некоторых местах она и до сих пор есть. На Абые в самые сильные недоедания её мало берут, якуты говорят, что от неё только брюхо болит, а толку нет, да к тому же она очень дорога и недоступна громаднейшему большинству населения. Не взял, кажется, навязываемой муки один только бывший тогда старостой якут П-в. Он доказывал, что им, якутам, мука мало доступна и вообще не нужна и особенно ещё гнилая, от которой народ только болеет. Резоны эти привели к тому только, что исправник посадил П-ва в ку-тузку (караулка), не одумается ли, мол, там, но П-в не одумался, муки не брал, его опять садили и выпускали и так несколько раз, но мука всё-таки осталась не взятой. Терпеть такого человека исправник не мог, всё было принято, чтобы его сместить с его должности, и его сместили.

П-в, да ещё другой такой же якут в том же верхоянском округе — это нечто весьма замечательное, редкое, выдающееся по энергии, уму и смышлёности явление среди якутов. О П-ве здесь рассказывают массу вещей, сделавших бы честь любому русскому человеку, поставленному на защиту народных интересов. Во время проезда ревизора П-в опять выступил обличителем и жалобщиком. Такие люди, как П-в и ещё один якут в колымском округе, попадаются очень редко, большинство же выборных у якутов народ слабый, угодливый начальству, льстящий ему, но нужно отдать якутам справедливость, что между ними редко попадаются такие, которые бы прямо, сознательно действовали во вред своим выборщикам. Выборное лицо всегда по мере своих сил отстаивает интересы выборщиков, причём часто хитрит, изворачивается, унижается и в

крайнем только случае идёт на уступку или отделяется взяткой. Якут никогда не доходит до открытого сопротивления, он никогда не прибегнет к силе, для этого он трус, робок. Но и в тоже время этот самый якут по отношению к своему брату якуту победнее, послабее будет твёрд, неуступчив и даже жесток. Якут-кулак, торговец ни на йоту не уступит, не сбавит, не тронется ни мольбами, ни слезами своего ближнего: он идёт прямо к цели наживы. Якут-хозяин всё возьмёт от своего работника, но зато он вместе с ним из одной чашки ест, живёт в одной юрте и мало чем отличается от него; но есть и другой тип богатых якутов, тронутых русской цивилизацией. У них рабочие живут уже отдельно, едят худо, и их третируют как животных. Это самый отвратительный тип якута.

Во время моего пребывания в Верхоянске сюда прибыл купец В-ий, ведущий в здешнем крае торговлю, но в последнее время вместе с этим обративший свои взоры на серебряную руду, открытую в округе между Верхоянском и р. Леной. Собственно открытие этой руды принадлежит прошлому ещё столетию, когда здесь, как говорят, по повелению Екатерины II был даже устроен завод для добывания серебра, скоро, впрочем, закрывшийся. Утилизировали этот рудник только якуты, добывавшие в нём свинец, но не умевшие отделять серебро. Один из этих якутов живёт в Верхоянске. Я слышал, что, хотя верхоянские руды по процентному содержанию серебра гораздо богаче даже алтайских, но место их рождения находится в таких неблагоприятных условиях, что едва ли они в скором времени будут разрабатываться. Руда эта вдали от всякой оседлости, в безлесной местности, вдали от рек и проч. Может быть, благодаря этому обстоятельству, край этот на долгое ещё время гарантирован от стаи хищников в лице приискателей сокровищ, далее от бедности и крайней деморализации, всегда идущей по следам этой статьи.

С устройством на Сагастыре в устьях Лены временной магнитно-метеорологической станции, Верхоянск на некоторое время несколько против прежнего оживился от проезда разного люда, но главным образом установилось более правильное почтовое сообщение (земская почта): из Якутска ежемесячно отправляются сюда нарочные, идут почты и город не чувствует уже той от всего мира оторванности, как прежде и какую испытывает ещё злосчастный, заброшенный на край света Колымск. С Сагастырём Верхоянск теперь находится в постоянных сообщениях через селение Булун на Лене. Осенью и зимой того

года, когда мы были в Верхоянске, в Булуне и его окрестностях свирепствовала страшная оспа, от которой вымирали целые семьи. К 27 октября здесь уже насчитывалось до 130 человек умерших. Можно было ожидать, что оспа, занесённая по Лене из Якутска в Булун, распространится и дальше по всему округу и особенно по побережью Северного океана, где пролегает купеческая дорога, идущая через Булун, Устьянск, Алаиху (на Индигирке) и Нижне-Колымск к чукчам. Верхоянск также мог ожидать оспы, но нигде никаких мер не принималось. Округ уже второй или третий год оставался без врача и оспе предоставлялось души́ть людей, как незадолго перед тем она душила в самом Якутске, так и в его окрестностях. Около Булуна пустыли целые наслеги или от оспы, или потому, что здоровое население разбежалось, бросало свои юрты нередко навсегда, если в них был хотя один смертный случай. Бросают юрты даже не в таких случаях. Даже там, где человек умер естественной смертью, якут бросает своё жилище и переходит в другое или строит новую юрту. Таких заброшенных юрт можно много видеть везде. Неподалёку от них непременно стоит крест, но людей нет.

Такая боязнь якутов много содействует к прекращению эпидемии и многих заразных болезней, но она нередко ведёт к жестокости. Не раз случается, что опасно больных оставляют совершенно одних с небольшим запасом пищи и дров. Мало таких счастливых, которые вынесли такой иску́с. Но этим не особенно должно возмущаться. Там, где это жалкое население пустынных стран предоставлено исключительно своей судьбе, там подобного рода меры, внушённые страхом животного самосохранения, единственно возможные и доступные. Во время сильных поваральных болезней, опустошающих целые наслеги, инородец забывает даже всемогущих шаманов (ойунов), забывает обо всём, страх царит везде. К тому же инородцы, обитающие в приполярных странах, самые невежественные из всех инородцев Якутской области. Нигде, быть может, не найдётся такого суеверия, как здесь. Христианство там недавно принято, и оно не оказало почти никакого влияния на народ, до сих пор сохраняющий явно или тайно свой древний культ самого грубого шаманизма с поклонением идолам, с сохранением анимизма. Христианство внесло ещё больший дуализм в воззрение дикарей. Ум его усвоил только то, что есть русский бог или, вернее, несколько богов, которых он смутно понимает и представляет себе, он перед ними прекло-

няется и вымаливает чего-нибудь, он их считает добрыми богами, находящимися в постоянной борьбе со злыми духами, населяющими весь мир, каждый его уголок. Часто эти злые духи берут верх над добрыми русскими богами, а потому и злых, да и добрых духов ни в каком случае не следует забывать, игнорировать ими: их также следует умиловать. Инородец всегда раздвояется между попом и шаманом, но с той только разницею, что шаману он больше верит и придаёт ему большее значение. В северных частях Якутской области народ открыто прибегает к шаману, на юге же тайком, но там и здесь шаман играет громадную ещё роль в его жизни. Если на юге, около Якутска и около других городов области вы уже не найдёте в юрте якута идолов, то на крайнем севере они ещё есть, хотя в некотором уже загоне, так как образ (обыкновенно медный складень) или по-якутски «Бог», уже занял почётное место в каждой юрте, в каждой переносной палатке тунгуса.

Г-н И-ий в свою прошлогоднюю поездку на Сагастырь вывез целую коллекцию безобразных деревянных идолов, которых якуты уступали весьма неохотно, будучи соблазнёнными большим вознаграждением, да коровьим маслом, до которого там якуты страстные охотники, как и их древние боги, пьющие его, как некогда греческие боги пили амброзию.

В коллекции И-го, между прочим, можно видеть идола, кажется, с одним глазом во лбу, носящего имя всевидящего ока. Идол этот небольших размеров — вершка три, грубо сделан из дерева и одет в полусгнившую шкуру оленя (пыжика), в складе его лица можно заметить монгольские черты, вся статуэтка этого важного бога носит явные следы кормления и возлияний жиром и кровью.

Сколько нужно было претерпеть страха, прежде чем расстаться с ним. Дикарю неизбежно являлся вопрос: не будет ли всевидящее око мстить за себя? В той же коллекции богов есть боги добрые и злые, главные и второстепенные, мало чем разнящиеся друг от друга, но все они одинаково безобразны. Это не стройные, полные дивной, чарующей красоты греческие боги-люди с их добродетелями и слабостями, — это слабое, не успевшее ещё стать на ноги, но уже загложшее искусство дикаря, не пошедшее дальше безобразных чурбанов. Там древняя, античная цивилизация, двигавшая мир по пути прогресса. Здесь же остатки

ещё более древнего восточного культа, переживаемого здесь на глубоком севере, наложившего на всё свой безотрадный, безнадежный, безрассветный отпечаток, давящий ум и волю человека.

Бубен, тяжёлая расписная с побрякушками мантия шамана и прочие атрибуты мрачной его деятельности здесь почти не хоронятся от русских взоров. На редкие наезды священника смотрят как на нечто такое, без чего совершенно можно обойтись — это не то, что шаман. То, что говорит им русский батюшка (агабыт), им непонятно, мало доступно, да он мало и говорить о том, о чём надлежало бы ему говорить: он всё больше смотрит по сторонам, да выпрашивает нет ли и пушники, хорошей рыбки или мяса. Он чиновник, его наезды — убыль в хозяйстве, шаман же свой человек, к нему прибегают в горе и в радости, без него ничего важного не делается, не предпринимается в жизни инородца; кроме того, он сильно действует на нервы, ведь это тоже немаловажная потребность, мурашки пробегают по телу, дух захватывает, когда раздаются звуки его бубна и несётся дикая, странная импровизация иступленного шамана, — всё это так гармонирует со всей окружающей обстановкой, с воем снежной пурги или с мёртвой тишиной полярной ночи, нарушаемой только протяжным воем собаки и прочими принадлежностями заполярщины.

В глухой тайге на берегу речки или озера стоит одинокая юрта, вокруг неё на десятки вёрст нет другого жилища, к ней идёт едва заметная тропа, по которой в иное время года нет проезда, и тогда семья, живущая в ней, отрезана от всего света, и никто ей не поможет в беде, да и хозяева её не издадут звука в призыв на помощь, хорошо зная, что голос их услышит только тайга. Житель такой юрты находится в полной власти разных злых и добрых духов (последних очень мало, и они так слабы), населяющих каждую пядь окружающего пространства. Воображение якута живо, оно постоянно работает по большей части в безотрадно-грустном направлении. Завоет ли пурга, наступит ли мёртвая тишина, разыграется ли река, море, последует ли неудача на промысле за зверем или за рыбой,дохнет ли у него скот, мрут ли дети, — везде он видит присутствие духов, виновников всего этого. Он не ступит единого шага, чтобы не подумать об этом. Мать как огня боится, чтобы кто-нибудь не похвалил её ребёнка, да и сама она, лаская его, не скажет: ах, ты мой хороший, ненаглядный, так как она хорошо знает, что русский Бог

очень любит красивых детей и берёт их к себе в ангелы, с другой же стороны и чёрт (абагы) их также преследует. Если вы по незнанию похвалите ребёнка, то услышите Аи! (грех). На одной из станций между Верхоянском и Якутском мы встретили одну якутку, имевшую десять сыновей и восемь дочерей, которые за исключением одной только дочери, все умерли в детстве. «Всех их абагы пожрал» — говорила мать. Для того, чтобы дети жили, другие матери прибегают к шаману, она же считала это грехом и вот у неё дети мрут.

Мне кажется, что вообще якуты верхоянского округа ещё более дики и суеверны, чем их братья в колымском крае. Я это отчасти объясняю тем, что на колымских якутов русские всё-таки оказали большее воздействие, чем на верхоянских, живущих очень изолировано от них. К тому же процентное отношение русских к якутам значительнее в колымском округе. Древние верования и обычаи лучше сохранились в верхоянском округе.

Я здесь приведу образчик верований и преданий подгородного верхоянского якута в том виде как записано моим знакомым со слов некоторых якутов, которых, к моему крайнему сожалению, я не имел возможности лично проверить.

«Богов много, говорят якуты, но самый главный из них — это Никола. От его дуновения в макушку зачала Богородица Иисуса, который и явился на свет через её бок. Иисус делает всё доброе, хорошее, но у него есть старший брат абагы (сатана), который постоянно ссорится с ним и назло ему делает всё нехорошее людям. Ссора их очень стара; следствием её было появление нашей земли. Дело это происходило так. Раз нырнул сатана на дно громадного моря (Байягал по-якутски) и достал оттуда горсть ила (бор, земля). Иисус перекрестил этот ил, и он превратился в нашу землю. Сатана и здесь, однако сумел схитрить: он спрятал в свою глотку часть ила, намереваясь сделать из него какое-нибудь зло, но Христос заметил обман, сильно ударил сатану по загорбку — так, что остаток песка вылетел из его пасти и, рассыпавшись по земле, образовал горы (хая) (которые, заметим, для якута большое зло). Борьба, впрочем, окончилась благополучно для Христа: чёрт был прогнан с земли в другой какой-то мир, в преисподнюю, над ним был поставлен ангел с мечом. Раз только в год, когда ангел, крестясь, опускает меч и поднимает глаза к небу, сатана высовывает из своей тюрьмы голову и злобно смотрит на землю, смотрит он только одно мгновение, на

что только упадёт его взор, на дерево ли, на проходящую мимо скотину или человека, на сенокос ли или на что другое, — то всё это в том году будет поражено заразой или постигнет неурожай. Впрочем, с заключением сатаны не исчезло ещё зло, и на земле осталась ещё масса второстепенных чертей (духов), которые по приказанию сатаны ходят по земле и пакостят людям, пугают их, принимая на себя вид то людей, то животных, то предметов, но непременно чудовищных с виду, с особыми признаками, по которым можно легко узнать чёрта. Духи эти часто принимают форму ребёнка или маленького человечка, которого иногда можно видеть неподвижно стоящим в углу хотона или за юртой. Это чёрт коровий, Седётка, что должно означат Федотка скотский; угодить ему очень важно, так как он или холит, или губит скотину, смотря по своему расположению к хозяину скота. Иногда он выбирает одну скотину, за которой или особенно ухаживает, или же губит. Очень часто черти посещают якутов (саха) во сне и тогда спящий мечется, плачет или кричит, не спящий или разбуженный его криком тотчас же должен его разбудить, назвав по имени того чёрта, который в нём сидит. Разбуженный крестится, приговаривая: Господи помилуй, Господи помилуй, — аги Тангара абра. Если же черт и после этого продолжает являться, тогда нужно, ложась спать, класть подле себя на постель с той стороны, с которой является чёрт, палку или нож, или вообще какое-нибудь железо, все это может удержать черта на приличном расстоянии от спящего. К мужчинам, особенно красивыми и молодым ходят черти — в образе женщины, а к женщинам — в образе мужчин, причём они могут совокупляться с сонными людьми. Это очень опасные черти и прогнать их нелегко. В верхоянской больнице недавно умерла от полового истощения девушка-якутка, к которой каждую ночь ходил такой чёрт-любовник. Его некоторые даже видели. Он был красив собой, хорошо одет и в плисовых штанах. Есть также чёрт, специальность которого мучить детей. Так как этот чёрт вместе с тем и телячий, то этим пользуются и выманивают его из больного ребёнка, страдающего судорогами, в телёнка, которого для этого ставят около больного. Телёнок с переселением в него чёрта становится на задние ноги, мычит и в судорогах тут же падает. Многие из этих поверий, особенно последнее, не чужды и русским. Верхоянская казачка Б-ва подобным образом избавила своего ребёнка от судорог. Особенно такой чёрт любит мучить красивых, здоровых детей. Вот отсюда та боязнь матерей, о которой мы выше сказали.

Чтобы сразу уже покончить с этой областью, скажу ещё несколько слов о Бутуруском улусе якутского округа. Лет 30 или 40 тому назад здесь, как передавал нам человек, проживший лет 8 между якутами этого улуса, шаманы играли тогда более видную роль, чем теперь. Ни одно событие в жизни якута не обходились без них. Во время смерти якута непременно присутствовал шаман; он принимал душу умершего, заключал её в маленький чебучах (коробочку) из бересты и подвешивал её в юрте. Таких чебучахов в иной семье накапливалось довольно много, а души, в них заключённые, служили предметами поклонения. Как видишь, читатель, это чистейший анимизм, который так общ всем племенам и народам, стоящим на низкой ступени развития, и следы которого ещё и теперь можно найти, если не во всей якутской области, то во многих её уголках.

В тоже время и в той же местности рядом с поклонением душам умерших существовал варварский обычай у якутов. Дряхлых старух увозили в тайгу, в глушь и там оставляли на произвол судьбы или умереть голодной смертью или быть съеденной зверем. Старухе, обречённой на смерть, говорили, что её повезут на свадьбу и в последний раз кормили её самыми лучшими кушаньями и проч.

Заметим ещё, что верования, обычаи и даже язык якутов не везде одинаковы. В этом отношении часто два смежных округа или улуса, даже наслеги сильно между собой разнятся. То, что ещё имеет полное господство в одном месте, давно уже отжило в другом. С этой стороны, как и во многих других, якутская область представляет массу интересного для науки. Здесь ещё едва початое поле для исследований. До сих пор ещё, как говорят, в Бутуруском улусе существует нечто такое, что сильно напоминает рабство. Здесь у якутов в обычае брать сирот на воспитание, на самом же деле это далеко не так. Сирота не равноправный здесь член семьи, принявшей его в свою среду; он скорее находится в положении бесплатного работника, даже хуже, чем работника. Девушку воспитанницу можно дать в приданое невесте. Только замужество освобождает такую сироту от рабства. Нам рассказывали, как одна из таких воспитанниц, будучи отданной в приданое дочери богатого якута, во время свадебного поезда подставляла свою спину невесте, когда та садилась на коня. Другой случай. Девушка лет двадцати — тоже воспитанница — вёрст 15 бежала впереди лошади и отворяла ворота в попадавших по дороге изгородях для того, чтобы её повелитель и его гости

свободно, без задержек могли следовать. Положение сирот — по рассказам — много хуже, чем положение батраков на жалованьи. Этих последних никогда так не третируют, не говоря уже о том, что они не находятся в такой рабской зависимости. Работник всегда может уйти, воспитанники же никогда¹.

В совершенно противоположном Бутурускому улусу колымском округе есть нечто подобное сейчас вышеприведённому. Там русские также берут на воспитание сирот или даже покупают у родителей их маленьких детей, причём даже совершают расписки в том, что дети взяты на воспитание и что родители их не потребуют их обратно. Но здесь мы не слыхали, чтобы такие воспитанники поступали в приданое, хотя они, находясь у своих воспитателей, несут все обязанности прислуги. Существует ли это у колымских якутов, я не знаю. Не следы ли это рабства купли и продажи инородческих детей и женщин, существовавших в якутской области до первой четверти настоящего столетия? Или, может быть, это явление более новое, возникшее в силу экономических и других условий, мы этого не успели проследить.

VI

Лоцман-якут — Купеческий тракт — Поземельная община у якутов на разных ступенях её развития — Переделы сенокосов — Трудовое начало в образовании коллективного права на землю — Запасные сенокосы — Исчезновение старых общинно-родовых и коммунальных форм.

Запасшись в Верхоянске новой провизией и подложив под нарту новые полозья, так как старые стёрлись, мы 16-го ноября двинулись в путь. С нами вместе ехал старик якут, возвращавшийся из Булуна, куда он водил каюк, на котором плыл вице-губернатор в свою поездку на Сагастырь. Этот якутский лоцман Дмитрий Осипович Иванов всю свою жизнь занимается тем, что в качестве лоцмана ездит по р. Лене. Его поездка с П-м была по счёту 33-я. Прежде он водил каюки (большая лодка, могущая поднять тысячу и более пудов) рыботорговцев, ежегодно едущих в низовья Лены (Жиганск, Булун) за рыбой. Дальше Булуна Иванов

---

¹ *) Правда, сироты-воспитанники обыкновенно являются наследниками своих воспитателей. То, что здесь сказано относительно сирот в Бутуруском улусе, нам передано, но сами мы не имели случая проверить справедливости этого, а также распространённость подобного явления.

реки не знал и поэтому лодку П-го отсюда до Сагастыря вёл уже якутский казак Калинин, уроженец Колымска.

Долина р. Яны, по которой пролегает дорога из Верхоянска в Якутск, на протяжении около четырёх сот вёрст относительно густо заселена якутами. Поселения находятся как на самой дороге, так ещё больше в стороне от неё. В этих местах Яна, да изредка попадающиеся озёра очень бедны рыбой, промысел пушного зверя также слабо развит, остаётся одно скотоводство, которое и составляет главную основу якутского хозяйства. Сенокосные и пастбищные земли — вот тот базис, на котором покоится это хозяйство. Особенно ими дорожат жители, находящиеся по купеческому тракту. Тракт этот, не доходя 250 вёрст до Верхоянска, сворачивает в сторону, минует город и опять выходит уже на колымскую дорогу около Тостахской станции. Места, им избранные, густо заселены якутами и богаты хорошими лугами. Здесь, кроме расхода в своём хозяйстве, много сена требуется ещё для купеческих лошадей. Начиная от Средне-Колымска и до самого почти Верхоянска редко где встречаются изгороди, начиная же с Верхоянска и его окрестностей и вплоть до Якутска, вы постоянно натываетесь на них. Здесь уже сенокосы тщательно огорожены. У самого Верхоянска сенокосы частью принадлежат тамошним казакам, частью якутам. Между теми и другими происходит из-за них постоянные споры, доходящие до жалоб по начальству. Здесь уже, например, у казаков, через каждые три года переделы сенокосных земель; у некоторых якутов они делятся через год или больше, но большею частью ими владеют из рода в род без всяких переделов, хотя все сенокосные, да и другие земли, леса и воды как здесь, так и в других округах считаются общей собственностью всего наслега.

Если же где сенокосы или пахотные земли (в южных округах) и находится как бы в нераздельном владении семьи или лица, как бы на правах частной собственности, то это потому, что земель ещё так много, что расчистивший тайгу, пользуется ей безраздельно с другими. Но там, где уже чувствуется особенный, вследствие увеличившегося населения, в них недостаток (в сенокосах, например), а новых годных мест нет или они достаются путём чрезмерных затрат рабочей силы, то там на сцену является, или вернее, зарождается общинное начало со всеми его следствиями сначала небольшой группы — рода, потом целого наслега, равного уже нескольким десяткам или даже сотням семей.

В колымском, например, округе общинное начало в том виде, в каком оно находится в южных улусах якутской области, едва ещё зарождается и очень смутно сознаётся. Там о переделах сенокосов мы ничего не слышали, хотя может быть они где-нибудь и есть или были прежде во время процветания здесь скотоводства, с упадком которого осталась масса сенокосных земель, а тут к чему уже и переделы.

В северных тундровых широтах, где скотоводство вовсе не развито, ещё менее сознаётся такое право, хотя это, конечно, несколько не исключает мысли об общности в других сферах тамошнего хозяйства, часто основанного на кооперации целых групп, состоящих или из отдельных лиц, или из нескольких семей.

На сенокосных землях легче всего проследить как зарождение земельной общины, общинной собственности наслега или рода, так и все её метаморфозы включительно до переделов и дележа у теперешних якутов и русских. Что эти формы здесь новы, постепенно вырабатываются самой практикой жизни, а не переданы по традиции, служит доказательством отчасти то, что якуты, давно уже поселившиеся на новых, привольных местах, богатых естественными лугами, совершенно забывшие или, может быть, вовсе не знавшие прежде земельной общинной собственности *в том виде, как она практикуется у них теперь*¹, со временем только с увеличением населения, с поднятием ценности земель, пришли к ясно осознанной, регулируемой общинной собственности на сенокосы и выпасы.

В этом случае происходит тоже самое, что и с русскими в Сибири. Переселенцы, являясь сюда, часто совершенно утрачивают свой прежний деревенский общинный строй и ведут земельное своё хозяйство на праве захвата и труда, на строго индивидуальных началах. Общинник-великоросс и индивидуалист-малоросс — оба одинаково становятся по отношению к земле, впрочем, никогда не утрачивая совершенно сознания коллективных прав на землю, леса и воды. Только со временем, с увеличением населения во втором, третьем поколении, когда уже бываю́т забыты все старые традиции, начинает слагаться новая организация земельных отношений, проявляющаяся прежде всего на сенокосных землях (как на Лене), потом переходящая и на пахотные земли и леса.

---

¹ Этим я не хочу сказать, что якуты не знали прежде «права на земли» всех членов известной группы, племени, занимающего эту землю, — оно, конечно, было знакомо им давно.

У якутов существует такое правило, что для образования сенокоса нельзя выпустить, осушить озёра без согласия или целого наслега, или нескольких ближних к нему семейств; нужно согласие соседей тем более там, где данное озеро оказывается рыбным, с осушением которого другие могут потерпеть убытки или даже лишиться единственного средства существования. В таких и подобных ему случаях, желающие выпустить озеро испрашивают согласия всех заинтересованных в этом деле. Раз же допустив это, допустим и то, что здесь обширное поле для всяких взаимных договоров как между лицами, желающими непосредственно приложить свой труд к осушению, так между этими и теми, согласие которых испрашивалось. Таких сенокосов и пастбищ, образовавшихся из озёр и болот и считающихся лучшими везде довольно много и они-то, по всей вероятности, и послужили главным образом к зарождению общинной земельной собственности с переделами, обмёнами или срочным владением сначала только между принимавшими участие в осушении, а потом и между членами какой-нибудь группы хозяев или целого наслега, не принимавших никакого уже участия трудом или денежными затратами. Чем больше затрачено труда на осушку, тем долгосрочнее право пользования. Тоже самое, вероятно, будет и с пахотными землями у якутов; пока же, сколько нам известно, они не поступают в раздел, так как само хлебопашество у них так ещё недавно, а свободных земель под расчистку пашен очень много. Конечно и эти земли (хлебопахотные) отнюдь не считаются в вечном владении или пользовании какой-нибудь семьи или лица.

Якуты, наделяя поселенца землёй, которой по закону полагается 15 десятин годной к пашне и сенокосу, делают это с согласия целого наслега; отводят надел из земель, оставшихся после умерших лиц или из запасных земель, где таковые имеются. В некоторых улусах якутского округа, да и в других округах для распределения казённых повинностей мерилom служит количество и качество сенокосной земли, находящейся в пользовании. Сенокосы здесь делятся по количеству сена на три и больше классов (1-й класс — 60 и более возов сена, 2-й — 40 возов и 3-й — 20).

Кроме этих двух родов общинных сенокосных земель в верхоянском округе существуют ещё сенокосы, с которых трава снимается сообща, если не целым наслегом, то частью его. Сено, снятое с таких лугов, слу-

жит запасом на случай неурожайных годов. Это нечто вроде наших общественных запасек и общественных хлебных магазинов. Сено из таких запасов выдаётся заимообразно с обязательством возвратить его в первый же урожайный год натурою или трудом. Додумались ли до этого сами якуты или введено это правительством, я не знаю.

Сверх того, места, служащие для подножного корма скота и требующие единовременных или из года в год повторяющихся общих работ по выжиганию, очистке, осушению, находятся также в нераздельном общинном пользовании целых родов или нескольких неродственных семей. Такие земли огораживаются также сообща. Реки, озёра, места охоты также суть достояние всего племени, наслег и проч. Вообще, права собственности в том виде, как его понимает европеец, здесь не существует и не толкуется, тем более, что все земли здесь считаются государственным достоянием, как и везде в Сибири.

Там, где, как в северных частях верхоянского и колымского округов, якуты часто перемешаны с другими инородцами — юкагирами, ламутами, тунгусами, чукчами, там поземельные отношения более примитивны, менее выработаны, несколько запутаны. Земель очень много, население же чрезвычайно редко и хозяйство основано не на скотоводстве, поэтому там и не выработалось таких определённых, ясных поземельных форм, как у южных якутов.

Рядом с зарождением поземельной общины, в той же якутской области можно проследить вырождение, исчезновение многих форм, прямо относящихся к древнему общинно-родовому быту якутов. Многие из этого быта остаётся ещё в полной своей силе, многое же в скором времени должно окончательно исчезнуть.

В некоторых местах власть рода и даже теперешнего наслег вмешивается в судьбу женщины. Якутка-вдова, хотя и может свободно избрать себе мужа из другого наслег, но она об этом должна дать знать своему старосте, если желает уехать в другой улус к новому мужу и в этом случае у них отнимают не только всё имущество первого мужа, но и детей от первого брака. Если бы вдова не захотела подчиниться этому, то она лишалась свободы в выборе мужа. Дети происшедшие вне законного брака, записываются в общество того наслег, в котором родилась мать. «Вследствие того, что сородовичи считаются членами одной большой семьи, браки заключаются по преимуществу между членами разных родов». (Пам. книжка. якут. обл. на 1871 г.). Все эти обычаи, как многие

другие, имевшие прежде обязательную силу, теперь значительно ослабели, если ещё не везде исчезли. Если верить рассказам, то в некоторых глухих верхоянских наслеггах проезжий якут, останавливаясь на ночлег, имеет право переспать ночь с женой отсутствующего хозяина. Если это напоминает сказку, то такую, которая когда-то была былью. Сплошь и рядом путник ещё и теперь в половине области в отсутствии хозяина может взять из его запасов пищи столько, сколько ему нужно, чтобы насытиться и ещё взять на дорогу, не платя за это ничего. Не менее интересно, как переживание иных порядков, якутское гостеприимство, считающее своей священной обязанностью каждого проезжающего накормить, и напоить, и проч. Право, практикующееся в некоторых местах (Жиганский улус) рода на всю или часть добычи охотника, другой обычай даже среди русских (Колымский округ) от убитой скотины, от пойманной рыбы (особенно первого лова), убитой дичи давать часть всего ближайшим соседям, почётным лицам, гостям, иногда совершенно незнакомым людям. Вся эта часть даётся без всякого расчёта получить вознаграждение или благодарность. Во многих местах до сих пор сохраняются обычаи, в силу которых задаются общественные праздники, на которых присутствуют сотни лиц. В вилюйском округе лет 8 тому назад, да может быть и теперь, существовали кумысные праздники или пиршества с песнями и хороводами (плясками); на них съезжались целыми сотнями мужчины и женщины.

Размеры наших заметок не позволяют привести всех примеров, навещающих на мысль существования среди якутов ещё недавно таких форм и обычаев, которые несомненно указывали бы на строй иной жизни, много разнящейся с теперешней.

VII

Якутское купечество — Купец в дороге и дома — Купеческая жена — Торговые дороги — Чукотская ярмарка — Конкуренция американцев и русская рутинка — Чукча, воспитывавшийся в С. Франциско — Влияние торговли на экономику страны — Купеческая кабала — Якутские Сцилла и Харибда — Снежные заносы и ветры — Первые следы хлебопашества — Алдан — Влияние русских на якутов — Устойчивость якутского национального типа.

Короткий ноябрьский день незаметно прошёл, солнце вовсе не показывалось, мороз был страшный, лошади еле двигались от усталости, а до станции оставалось ещё очень много, жилищ же вовсе не встречалось, нужно было добраться до какой-нибудь поварни и заночевать. До такой поварни мы вскорости и добрались. Здесь мы уже застали проезжающих из Якутска купца Р., его приказчика и ямщиков. Встреча с человеком на здешних дорогах доставляет большое удовольствие, а к тому же Р. оказался очень любезным господином, с которым мы и провели в разговорах часть ночи. Он мне кое-что сообщил о купцах, ведущих торговлю в северной половине якутской области, что вместе с тем, что я прежде об этом знал, составит содержание этой главы.

Вся торговля верхоянского и колымского округов находится в руках небольшой кучки патентованных, платящих гильдию, купцов. Здешний купец — совсем особый тип купца; он резко отличается от русского купечества европейской России. Это вечно странствующее, вечно находящееся в дороге существо; он чуть не на другой день после свадьбы уже в дороге, где исправляет свой медовый месяц. Его жена, как и он сам, очень неприхотлива. Она едет с ним зимой в нарте, летом верхом на лошади в мужском седле, в котором она проводит несколько месяцев из дня в день по десяти и более часов; живёт она в дороге или в палатке, наскоро разбитой где-нибудь в лесу на берегу ручья или в поварне; здесь она часто родит без акушерки при свете камелька или под песню комаров, а так как ей некогда «нежиться», то много-много дней через пять она опять в дороге или в случае болезни довезут её до первой якутской юрты и оставят на присмотр хозяев или служанки, едущей с ней. Нередко случается, что здесь она и умирает. Некоторые из купцов оставляют своих жён в Якутске или Колымске, но это тогда, когда они им надоели или обзавелись большой семьёй; молодых же, бездетных таскают с собой. Вместо жён часто берут в Колымске молодых девушек под видом служанок или пассажирок, с которыми и живут в дороге; по приезде же в Якутск поскорее отделяются от них. Ежегодно из Средне и Нижне-Колымска вывозят по несколько таких девушек от 13 до 20 лет, матерям которых за этот товар прощаются старые долги, даются товары, а больше разных обещаний пристроить их дочку и вывести в люди.

Как сами купцы, так и их жёны, люди очень малоразвитые, едва грамотны, грубы, вкусы их неприхотливы, карты и водка — главное времяпрепровождение как в дороге, так и по приезде в город, никто почти из них ничего не читает, редко кто выписывает газету. Большинство купцов уроженцы якутской области, за пределы которой редко кто выезжал. Обладая небольшими капиталами, ведут свою торговлю на векселя; товары забирают у иркутских купцов, ежегодно наезжающих в Якутск на ярмарку. Сюда же к августу месяцу съезжаются все якутские купцы, платят старые долги пушниной, мамонтовой костью, частью деньгами, получают красные¹ мануфактурные товары, чай кирпичный, черкасский табак (махорку), железные и медные изделия, выдают векселя и опять спешат в дорогу.

Товары, идущие к северу, сначала сплавляются на паузках (род барки) вниз по Лене до впадения в неё р. Алдана, потом вверх по этой реке до пересечения её с дорогой из Якутска в Верхоянск. Здесь купцы живут около месяца до установления зимнего или осеннего пути, подводят ярмарочные счета, переукупоривают товары в сумы и ящики, приспособленные к вьючной транспортировке. Здесь же у них под присмотром окрестных якутов выкармливаются лошади. У каждого купца, кроме своих лошадей (от 50 до 200), есть ещё заподряженные по всей дороге лошади и олени. С первыми морозами, сковавшими реки, озёра и болота (бадраны), выступает вереницей вьючные лошади с кладью. Тут же сам хозяин или его приказчик. До Верхоянска клади идут месяца полтора-два, до Средне-Колымска они доходят к рождеству и позже, смотря по тому, какова дорога, как жирны лошади, каковы запасы сена и подножные корма, и как рано ударили морозы. Товары, идущие прямо на Колымск, не заходят в Верхоянск, который остаётся в стороне, причём путь сокращается вёрст на 250 и проходит по местам, густо заселённым якутами. Часть товаров и спирт остаётся в Средне-Колымске, другая же часть, преимущественно состоящая из чая, табака и металлических изделий, чайников и котлов идёт дальше в Нижне-Колымск и на чукотскую ярмарку (в марте) на Анюе (островное). Второй путь, как и первый, минует Верхоянск, доходит до Абыя (около Индигирки) и сворачивает на Ожогинск, Алаиху на Индигирке и потом побережьем океана по тундре, где устроены поварни, через Нижне-Колымск тоже на Анюй. По этому пути идут клади Р. и С.

---

¹ Красные товары — в старом значении: ткани. — прим. OCR.

Наконец, третий путь от самого Якутска на паузках вниз по Лене до села Булуна; здесь ждут зимнего пути на оленях; кладут также тундрой и частью по побережью океана на селение Казачье в устьях Яны и до Алаихи, где бывает зимняя ярмарка, на которую съезжаются якуты, тунгусы, юкагиры верховьянского округа. С Булуна же часть товаров идёт на реки Оленёк и Анабар. Кроме приведённых главных купеческих путей, существует ещё масса побочных, по коим и расходятся товары. Это целая сеть дорог, охватившая целых два округа и держащая в кабале всех и вся.

Здесь купец, начиная от самого Алдана и до своего конечного пункта на севере, останавливается в известных инородцам пунктах и ведёт торговлю с жителями, принимает от них в обмен пушнину, кость, сено, мясо и масло для людей, отпускает в долг товары, чай, табак и спирт. Последний самый ходкий товар, хотя и запрещённый в торговле с инородцами. С окончанием ярмарок купцы возвращаются обратно сначала по зимнику, потом летним трактом, захватывают по дороге уже прежде купленную пушнину, ровдугу, кость, которой особенно много идёт с побережья моря и с его островов. Дорогая пушнина и лучшая ровдуга, пыжи парки получают с Чукотского носа от чукчей, каргаулей и других инородцев, а также от русских из Анадырска, приезжающих на анюйскую ярмарку собственно за табаком и чаем.

С каждым годом эта ярмарка падает и падает, так как главная её статья, пушное, с каждым годом уменьшается, о чём мы уже говорили в начале наших заметок. Кроме того, наши соседи американцы начинают не на шутку конкурировать с нами на всём восточном побережье океана, начиная от Курильских островов до Берингова пролива и дальше до Комочинской бухты. Американский ром и виски берут верх над русской плохой водкой, которая, несмотря на запрещение, туда ввозится торгующим людом, что, кроме начальства, ни для кого там не секрет. Нередко татуированный чукча щеголяет в драповом пальто, в руках у него магазинное ружьё или винтовка, американский топор, нож, посуда и всё это прекрасного качества сравнительно с разной купеческой дрянью и браком. Если ещё чукчи являются на Анюй, то благодаря только черкасскому табаку, до которого они сильно пристрастились и которого американцы им не могут дать. На Чукотском носу в настоящее время, как

нам передавали, есть торговый агент-чукча, обучавшийся в Сан-Франциско; он служит посредником между чукчами и американской торговой фирмой по закупке пушнины.

Что с этой стороны сделало русское купечество, об этом не стоит и говорить. Попадаются чукчи, кое-как говорящие по-английски, по нет говорящих по-русски, а, ведь, кажется с ними мы давно знакомы, давнее, чем американские китоловы и купцы. Как и везде и во всём, нас предупредили, обогнали и ничего в этом нет мудрёного. Нужно только видеть колымского купца, чтобы вперёд сказать, на что он способен и может ли он тягаться с самым заурядным янки. С одной стороны инородец видит привет, человеческое обращение и доброкачественность предлагаемых ему вещей, честную без всяких надувательств сделку, — с другой же стороны надувательство, беззастенчивость в обращении и полное непонимание дикаря. Русский купец дальше Анюя не заглядывал, ничего не предпринимал, чтобы закрепиться среди чукчей, а ведь прошло более 150 лет, как он с ними ведёт торговлю. У нас здесь сидят или филиппеусы или колымские купцы, вконец разоряющие народ.

Отсутствие всякой предприимчивости, руководство одной только рутиной — вот что поражает в здешнем купце. При новых нарождающихся обстоятельствах, требованиях, он не находчив, теряет или ломит напропалую, разоряя народ, он в конце концов губит и своё дело. Он непременно гонится за большим процентом: рубль на рубль и больше; на меньшем он не помирится. Братья Б-вы, устроив в Колымске торговый дом, ясно доказали возможность вести дело иначе; они сразу понизили цены на товары и при этом всё-таки получают громадные барыши. Одновременно с этим они значительно подняли цены на пушное. Правда, всё это, конечно, делается для того, чтобы убить своих конкурентов и потом самим захватить всю торговлю в крае и сделаться монополистом, как А.Ф. Филиппеус на Камчатке, в Гижиге и других местах приморской области. Но и без этой погони за наживой торговец здешний мог бы вести своё дело блестяще.

Здешние купцы десятки лет ездят по здешним дорогам, а что они сделали для их улучшения? Ровно ничего. Ни одного мостка, ни одной вешки они не поставили: всё делали инородцы, да казна. Они даже избегают строить поварни, так необходимые в этом крае; они не сделали ничего такого, чтобы устранить, избежать опасности при переправах через реки, болота; они ничего до сих пор не придумали, как облегчить

перевал через верхоянский хребет, который ежегодно подрывает силы их лошадей и делает их скоро негодными. Между тем, многое из этого легко устранимо и стоило бы небольших затрат, только для этого нужно общее их согласие, а у них этого-то и нет. Товары их подмокают, разбиваются, лошади калечатся, а за всё это отдувается потребитель, находящийся в их невежественных руках. Мы уже не говорим о пагубном влиянии подобной торговли и торговцев на население, подрывающее вконец духовные и экономические его силы.

За кучкой патентованных купцов стоит громаднейшая свора разного торгующего люда. Зараза барышей так велика, что каждый, имеющий лишний рубль, пускается в торговлю, часто оставляя в пренебрежении своё хозяйство, дотоле его кормившее, суётся в разные предприятия и прогорает. Отдача товаров в кредит под пушное также губительно влияет на скотоводство и рыбные промыслы и направляет все силы на рискованные звериные промыслы. Для добычи пушнины пускаются в ход все средства: обман, спаивание, вымогательства. Служащие в администрации, служители церкви, миссионеры, казаки, мещане — все пускаются в торговлю, торгуют всем, чем только можно.

Народ беднеет, потребности же его растут; и вот каждый продаёт последнюю кухлянку, зайчину, тащит единственную ровдугу, чтобы взять у купца кирпич чая, временами доходящий 3-5 руб. за штуку, или водки. На один Средне-Колымск с его 500 жителей приходится три кабака. Но хуже всего то, что табак, чай и спирт привозятся почти всегда в недостаточном количестве годового потребления. Иногда с половины года или к его концу всё это выходить или придерживается разными спекуляторами; цены значительно повышаются, нередко в два, в три раза. Приказчики и доверенные купцов, находящиеся на отчёте, самовольно набавляют на всё цены и всё это как раз подгоняется к тому времени, когда инородцу приходится делать взносы в казну, когда идёт внесение долгов купечеству.

Для образца в каких кабальных отношениях находятся жители северных окраин, приведу одно место из письма, полученного мной из Нижне-Колымска. «Вся масса здешнего населения, состоящая из русских и из обрусевших юкагиров, якутов, находится всецело в руках Чарткова (местный житель). Он уже много лет торгует в Нижне-Колымске от разных купцов, а в последнее время от Н.Ф. Соловьёва. Нет ни одного жителя, который не был бы должен Чарткову; ему должны свыше

15 тысяч, но из должников никто не знает, сколько он должен этому приказчику, Если кому что нужно, он идёт к Петру Алексеевичу и просит в долг; тот ему отпускает товар, не объявляя цены, о чём покупатель и не спрашивает; доволен тем, что получил требуемое, а так как всякая сделка здесь ведётся на взаимном обмане, то покупатель не слишком-то заботится, сколько на нём долгу. Но вот пришла осень, пастники (ловушки на зверя) осмотрены, чая, табака опять нужно, и вот покупатель несёт песцов и лисиц и отдаёт их Петру Алексеевичу за долг и набирает опять в долг. За какую цену ушла его пушнина, он также не знает. Если кто попросит посчитаться, то получит в ответ: «после когда-нибудь». Но этого никогда не бывает: долги растут с каждым годом и переходят даже по наследству. Покупатель доволен, а Пётр Алексеевич ещё больше, так как он взял своё, набавил цены на товары, а пушнину принял очень дёшево. Чарткова нижнеколымцы называют «батя», т. е. старый семьянин. «Здесьние жители, в свою очередь, также торгуют с чукчами чаем, табаком, а иногда и водкой, взамен чего получают оленей для пищи, песцовые, лисьи, оленьи шкуры и мамонтовую кость, всегда их (чукчей) обманывают, так что чукчи потеряли к ним доверие. Обмануть или обокрасть чукчу считается здесь доблестью и служит похвалой между товарищами». И так здесь везде в круговую: один от другого рвёт, а приехал «Чумазый» и всех слодал.

25 ноября мы ночевали на станции Кень-Юрях, что у подножия верхожанского хребта — границы якутского и верхожанского округов. Здесь часто приходится проезжим засиживаться по несколько дней или даже по неделе. Это бывает тогда, когда дуют сильные ветры, тогда нет никакой возможности перевалить через хребет. Ни олени, ни человек не могут с ним совладать: их валит с ног и катит по острым камням со страшной крутизны вершины. Мы положились на утро. Но первое, что я, проснувшись, услышал — это были слова моего спутника якута-лоцмана: — свет пришёл, ветер много, олень нет. Новости были не утешительного свойства: без оленей и с ветром. Впрочем, олени были скоро найдены и мы, несмотря на ветер, всё-таки тронулись в путь. Ветер к полудню утих, и мы благополучно перевалили через один из самых высоких и трудных хребтов на всём пути между Колымском и Якутском. Хребет этот, разрезая якутскую область на две половины, возвышается над уровнем моря почти на пять тысяч футов и переходит за черту вся-

кой растительности, кроме лишайёв. Здесь также, у самого перевала, стоит крест, увешанный волосом и лоскутьями разных материй — приношениями духу хребта или, как говорят, камня. Подниматься на самую вершину хребта приходится пешком с большими трудностями, особенно со стороны Якутска. Для выездных лошадей здесь сущее мучение, особенно во время снежных заносов. В таких случаях, чтобы провести свои клади, купцы прибегают к следующему способу. Стелют по снегу грубое сукно, по которому пропускают лошадей гуськом. С помощью двух, трёх кусков сукна, перекадываемых по мере того, как лошади подвигаются вперёд, им удаётся переходить сильные заносы. Хотя очень и очень редко, но бывают зимы, когда вследствие заносов по несколько месяцев не бывает уже никакого проезда и тогда вся северо-восточная половина якутской области отрезана от всего света. Объехать же это место нет возможности: по бокам перевала высятся уже совершенно недоступные высоты.

В этом хребте, почти у самого перевала, берёт своё начало р. Яна, долиной которой всё время шла наша дорога. От хребта до р. Алдана дорога на пространстве около двухсот вёрст проходит отчасти каменистым ущельем, большей же частью по болотистой местности, то и дело пересекая небольшую горную речку Тукулан. Во время дождей и весной эта бешеная речка выходит из берегов и затопляет всё вокруг себя, тогда нет ни проезду, ни проходу, путник точно в засаде; клади купцов часто подмокают и гниют. Зимой перевалить через хребет, летом на возвратном уже пути благополучно проследовать Тукулан — значит совершить половину всех трудностей на длинном купеческом пути. Тукулан и хребет — это Сцилла и Харибда купцов, требующая усиленных жертвоприношений духу и обильных возлияний Бахусу. Есть, говорят, возможность избежать этих трудностей, но для этого нужно избрать другое направление дороги, значительно уклоняющееся от теперешней; об этом, впрочем, только говорят и, по обыкновению, ничего не делают.

Не доезжая сорока вёрст до р. Алдана, мы впервые после Кеньюряхской станции встречаем якутскую юрту с жителями и первые следы хлебопашества. В юрте стоял ручной жёрнов, сделанный из двух кругов дерева с вбитыми в них мелкими камнями, которыми и перемеливался ячмень для лепёшек. При виде такого инструмента, а также и других земледельческих орудий, прямо переносишься к временам свайных по-

строек — так всё первобытно. Не более десяти лет как начали здесь сеять ячмень и то в самом незначительном количестве. Тут же мы впервые увидели тараканов, которых ни в Колымске, ни в Верхоянске вовсе нет. Якуты на таких гостей смотрят далеко не благосклонно и выжидают их, но русские (нуча) опять их навозят, жаловались они нам.

С переездом через Алдан сразу уже замечаешь больше культуры. Поля тщательно огорожены, хорошо содержатся, везде видна заботливая рука оседлого человека, дороги шире и чище, по ним уже можно ехать колёсным экипажем; юрты, хотя ещё вместе с хотонами для скота, но содержатся чище, лучше выстроены и часто по несколько в одном месте вроде небольших деревенок. Хлебопашество ведётся в более обширных размерах; сеют также ячмень. Земледелие началось лет двадцать тому назад и не без принуждения и даже строгих наказаний со стороны администрации края. Теперь якуты сами хорошо понимают его пользу и охотно занимаются им, с каждым годом всё больше и больше расчищают из-под леса земли, не бросая в тоже время заниматься и скотоводством, которое ещё долго будет составлять главную основу якутского хозяйства. С ведением культуры хлебов, говорят якуты, уменьшились недоедания и голодовки.

Чем ближе подъезжаешь к Якутску, тем заметнее становится влияние русских на якутов. Самый облик их лиц носит явные следы помеси монгольского типа с славяно-русским; народ крупнее, не так сухопар, лучше сложен, менее смугл, между девушками попадаются замечательно свежие лица с богатыми, тёмными бархатистыми глазами, которые не одного русского соблазнили. В нарядах женщин и мужчин также видна некоторая разница с тем, что мы видели по ту сторону Алдана. Здесь уже больше в ходу разные фабричные материи: сукна, ситцы, а не ровдуга и конина; на женщинах больше серебряных украшений и покроев платья несколько иной. Но несмотря на всё это, везде ещё сильно чувствуется своеобразная и притом очень прочная устойчивость всего якутского, как в формах внешнего, так внутреннего склада их жизни. Хотя самый физический тип подгородного и придорожного якута несколько уже изменился, как изменилось и его жилище, и его внутренняя обстановка, завёлся даже кое-где самовар (!) и рубленая бескрышная изба, но всё это ещё в незначительных размерах. Редко здешний якут говорит по-русски; напротив же все русские прекрасно знают по-якутски даже лучше, чем свой родной язык, ведут своё хозяйство более на

якутский лад, чем на свой — давно забытый. Одним словом, и здесь, как и везде в якутской области, где только русский сталкивался с якутами, он больше объякутился сам, чем обрусил якута. Якут, сколько я заметил, очень стоек, весьма неохотно и нелегко поддаётся чуждому влиянию; раз же усвоив что-нибудь из этого чужого, он на всё кладёт свой резко-национальный отпечаток, никогда он ничем и ни в чём не поступится целиком: ни в религии, ни в языке, ни в других сторонах духовной и внешней жизни. На русских он смотрит как на пришельцев и смотрит далеко не дружелюбно; он хорошо ещё помнит времена, когда с мечом и огнём эти белотелые чужестранцы прошли по его улусам, всё истребляя или забирая себе; он не забыл, как принуждён был спасать себя, свою семью и стада, бежать к северу, переходить хребты и реки и селиться в неведомых, суровых, негостеприимных странах подальше от врагов, которые и там находили его; он помнит и лично знает то недавнее да и настоящее, когда ему приходилось и приходится на каждом шагу опасаться встречи с русским: с казаком ли, с поселенцем, или с мундирником или попом, с которыми ему приходится хитрить, унижаться или откупаться, лишь бы его оставили в покое, предоставили бы его самому себе. Всё это, конечно, развивает в человеке дурные качества, портит и развращает его.

Торговля, близость приисков, всё больше и больше развивающаяся городская жизнь (Якутска и Олёкминска), а также большой наплыв поселенцев, — всё это мало-помалу разлагает общинно-родовой быт якута, да и других инородцев.

Близ русских центров оседлости, отчасти по дорогам, не так уже радушно встречают путника; здесь нет уже угощений, здесь уже хорошо знают цену деньгам. Между тем, как в глуши сохраняются ещё чуть не в первобытной чистоте нравы, не знающие замков и запоров, где в каждой юрте путник чувствует себя как дома, где право даже индивидуальной собственности ещё так мало развито, что взять вещь у соседа во время его отсутствия или пищу у совершенно незнакомого человека, — не значить украсть, даже не позаимствовать, а просто взять как нечто своё, как должное, что на его месте каждый сделает точно также. Якут или даже русский может изъездить весь колымский или верховянский округ совершенно без копейки денег и везде его будут кормить, поить, давать ему приют и защиту, никто и нигде его не обидит и не вытолкает

в шею, лошадь его также будет сыта и присмотрена. Если на севере области якут-убийца, грабитель и даже вор ещё чрезвычайная редкость, то на юге около Якутска и Олёкминска это уже далеко не редкость, не говоря уже о более мелких преступлениях и проступках. Особенно золотые прииски и поселенцы оказывают на народ самое губительное развращающее влияние. Картёжная игра, пьянство и сутяжничество страшно развиты между тамошними якутами и ведут народ прямо к разорению и нищете.

Одно только всё больше и больше развивающееся среди якутов земледелие должно внести самое значительное и притом благоприятное изменение в социально-экономический их строй.

П. Р-в.

OCR Андрей Дуглас, 2025 г.

Опубликовано в газете «Сибирь» (Иркутск) в №№ 38, 41, 43, 45, 47, 49 за 1884 г. и №№ 5, 7, 9, 10 за 1885 г.

Автор: Павел Захарович Рябков (1848-1926), сын обер-офицера, революционер, отбывал ссылку в Средне-Колымске с июля 1880 по октябрь 1883 года, где занимался изучением Колымского округа в географическом и этнографическом отношениях. После ссылки занимался общественно-просветительной работой, в 1901-1904 гг. жил в Париже, слушал лекции в Высшей русской школе. Принял деятельное участие в революции 1917 г. в Тирасполе. После организовал в городе музей и был его заведующим.